

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства: проблемы квалификации»

Студент

Д.Н. Ларин
(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, Л.Н. Кабанова
(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Историко-правовые аспекты ответственности за доведение до самоубийства в России	6
1.1 Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства	6
1.2 Понятие, общая характеристика и правовое значение ответственности за доведение до самоубийства в законодательстве Российской Федерации.....	18
Глава 2 Актуальные проблемы квалификации преступлений, связанных с доведением до самоубийства.....	26
2.1 Особенности способов доведения до самоубийства	26
2.2 Проблемы установления субъективной стороны доведения до самоубийства	39
2.3 Отграничение доведения до самоубийства от смежных составов	43
Глава 3 Тенденции развития института уголовной ответственности за доведение до самоубийства и иное содействие его совершению в современном российском законодательстве.....	53
3.1 Квалифицирующие признаки доведения до самоубийства	53
3.2 Склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства	63
3.3 Вопросы совершенствования нормы об ответственности за доведение до самоубийства	70
Заключение	78
Список используемой литературы и используемых источников	82

Введение

Актуальность темы исследования. Политические, экономические и социальные изменения в России, переход к гражданскому обществу и развитие правового государства характеризуются двумя тенденциями: с одной стороны – это демократизация и либерализация всех сфер общественной жизни, а также проведение соответствующих правовых реформ, а с другой – обострение социальных противоречий и распространение межличностных и межгрупповых конфликтов. Указанные тенденции сопровождаются коммерциализацией всех сфер общественной жизни, поляризацией доходов, распространением духовного цинизма, алкоголизацией и наркотизацией общества, пропагандой культа насилия и жестокости, а также другими факторами, обуславливающими рост уровня агрессивности людей, которые нередко приобретают криминальных форм. По данным Росстата, за 2019 г. в России было совершено около 17 тысяч актов суицида. Средний показатель для нашей страны – 11 суицидов на 100 000 человек [67]. Россия входит в десятку стран с самым высоким уровнем самоубийств и поэтому стала одной из первых стран, принявших стратегию

Как свидетельствуют научные источники, соотношение самоубийств и доведения до самоубийства составляет соотношение около 1:20. Вместе с тем, в 2019 году по статьям 110 – 110.1 УК РФ вынесено только 20 обвинительных приговоров и этот показатель из года в год уменьшается – за последние 10 лет в четыре раза [68]. Очевидно поэтому и отсутствуют какие-либо обобщения судебной практики и разъяснения-рекомендации Верховного Суда РФ.

Особое беспокойство вызывает тот факт, что жертвами доведения до самоубийства чаще всего становятся женщины и дети. С развитием технического прогресса и эволюции человечества появляются новые, ранее неизвестные преступления и способы их совершения. Так, с появлением и развитием Интернета возникли новые формы совершения доведения до самоубийства, распространяющиеся в мире вместе с ростом количества

постоянных пользователей этой всемирной сети. Значительные обороты набрали самоубийства подростков, которых побудили к этому в так называемых «группах смерти» в социальных сетях, что закономерно вызвало в 2017 году криминализацию склонения и содействия совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), однако, несмотря на большой резонанс, по ст. 110.1 УК РФ в 2019 году был вынесен только один обвинительный приговор, а по ст. 110.2 – ни одного.

Таким образом несмотря на то, что в последнее время в России имеется положительная тенденция исследования проблематики уголовной ответственности за доведение до самоубийства, до сих пор остается достаточно широкий круг проблемных вопросов, как теоретической направленности, так и в практической деятельности следственных органов.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере уголовно-правовой охраны жизни и здоровья человека.

Предметом исследования выступают положения уголовного законодательства об ответственности за доведения до самоубийства и практика его применения, литературные источники, посвященные исследуемой проблеме.

Целью исследования является уголовно-правовое изучение проблем уголовной ответственности за доведение до самоубийства и формирование на этой основе предложений по совершенствованию соответствующих норм Уголовного кодекса и повышения эффективности применения уголовного законодательства.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **основных задач**:

- исследовать генезис установления уголовной ответственности за доведение до самоубийства и его влияние на развитие уголовного законодательства Российской Федерации;
- определить и раскрыть уголовно-правовую характеристику состава

- преступления доведение до самоубийства;
- проанализировать особенности способов доведения до самоубийства;
  - выявить проблемные вопросы отграничения доведения до самоубийства от смежных преступлений;
  - проанализировать квалифицирующие признаки доведения до самоубийства;
  - сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства о доведении до самоубийства.

Теоретическую основу работы составляют научные исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные рассматриваемой проблематике, таких как Г.Н. Борзенков, С.В. Бородин, Ю.А. Воронин, В.В. Лалац, А.Ю. Морозов, И.В. Савельева, Ю.С. Сердюкова, А.М. Смирнов, Ю.А. Уколова, В.Б. Хатуев, Н.Г. Чукаева, и др.

Методологическую основу исследования составляет диалектический метод научного познания, с помощью которого рассмотрены уголовно-правовые подходы при характеристике доведения до самоубийства. Применялись отдельные специальные методы научного познания: системно-структурный, историко-правовой и др.

Структура и объем ВКР обусловлена постановлений целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, содержащих восемь параграфов, заключения, списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Историко-правовые аспекты ответственности за доведение до самоубийства в России

1.1 Развитие российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства

Анализ эволюции законодательства, которое регулировало ответственность за самоубийство и доведение до самоубийства, на основе архивных и литературных источников отечественных и зарубежных ученых, каталогов, справочников в историческом аспекте позволил условно выделить пять этапов развития законодательства о самоубийстве и доведении до самоубийства в российском уголовном праве России:

- I этап (до X века) - старославянский дохристианский;
- II этап (XI - XV век) - древнерусский христианский;
- III этап (XV века - 1917 год) - имперский;
- IV этап (1917 - 1996 годы) - советский;
- V этап (1996 год - до настоящего времени) - современный.

Первый этап (до X в.) - старославянский дохристианский.

Реализация и полноценная охрана основных прав человека основывалась на родоплеменном языческом укладе жизни с выполнением именно социальной функции, что наблюдалось в старославянский дохристианский период.

К примеру, в Древней Руси еще до принятия христианства, доведение до самоубийства считалось нормой. Жены должны были осознавать значимость ритуального обычая, не допуская сильной эмоциональной реакции на поступок мужей. Вдовы вынуждены были сжигать и себя на костре. Ученый-историк Н.М. Карамзин считал, что этот варварский обычай был введен славянами для предотвращения тайных убийств мужчин женами [33, с. 65]. Этот ритуал еще раз подтверждает приоритет обычного права, основанного на родоплеменных традициях.

Второй этап (XI - XV век) – древнерусский христианский.

Консолидация всех славянских княжеств вокруг Киева обусловила появление нового государства – Киевской Руси. Политическое название «Киевская Русь» появилась значительно позже.

Значительный вклад в развитие уголовно-правовой политики Киевской Руси внесла Древнерусская Православная церковь. Н.Н. Ильин отмечает: «После принятия христианства в Киевской Руси вся ответственность за действия, связанные с причинением себе смерти, устанавливалась только на уровне церковных законов. Самоубийца стал считаться грешником, носителем зла, а самоубийство – самым страшным преступлением против Бога, самым тяжким, непрощительным грехом, хулой на Святого Духа» [31, с. 65].

Впервые негативное отношение к такому деянию, как самоубийство, упоминается в древнейших грамотах церковного законодательства. В соответствии с четырнадцатым каноническим ответом Тимофея Александрийского, который был утвержден еще VI Вселенским Собором в 680-681 годах, самоубийство считалось настоящим убийством. Подобное преступное деяние предполагало наступление уголовной ответственности. Представители церкви полагали, что человек, который решился на данный акт против своей природы, уподобился Иуде предателю. Данный персонаж отрекся от Бога в силу определенных причин, был впоследствии отвержен, что заставило его покончить жизнь самоубийством [91]. В исследованиях Е.И. Дульяниновой также отмечается: «По церковным канонам самоубийцу лишали отпевания, погребения по православному обряду, церковной молитвы. Вместе и с тем, указанными нормами не относилось к самоубийству лишение себя жизни, совершенные в состоянии безумия» [24, с. 277].

Своего дальнейшего развития об ответственности за самоубийство и доведение до самоубийства церковная юрисдикция получила в Уставе князя Ярослава, происхождение которого большинство исследователей связывает с именем князя Ярослава Мудрого, и который считался уголовно-дисциплинарным церковным судебником.

Именно в Уставе Ярослава Мудрого впервые упоминается о доведении до самоубийства. В диссертации Ю.А. Уколова, пишет, что статьей 24 краткой редакции Устава князя Ярослава Мудрого устанавливался «запрет для родителей насильно женить детей. Предполагалось, если родители насильно выдавали дочь замуж и это становилось причиной ее самоубийства, родители признавались виновными в самоубийстве или покушения на самоубийство последней и подлежали наказанию в виде уплаты штрафа. Подобным образом квалифицировались действия родителей и относительно юноши» [78, с. 38].

Далее, логичным представляется обращение к нормам Русской Правды – одного из самых значительных памятников древнерусского права X века. Первым видом суда по Русской Правде был суд «в душегубстве». Под «душегубством» наряду с убийством понималось и самоубийство. В текстах памятников русского права при указании на самоубийство использовался оборот «от своих рук потеряется» [43]. Суд «в душегубстве» по Русской Правде, то есть суд как в делах об убийстве, так и по делам о самоубийстве, принадлежал князю.

До момента вступления на престол Петра отсутствовали наказания за покушение или совершенно самоубийство в силу отсутствия информации в актах действующего на тот момент законодательства [16]. Анализ церковных законов того времени показал, что священники отказывались производить отпевание и последующее захоронение самоубийц. О данных аспектах были предупреждены родственники людей, которые решились на этот шаг.

Преступления, связанные с самоубийством или доведением до самоубийства в Судебниках 1497 и 1550 гг., Соборном уложении 1649 года, не упоминались. Правовое регулирование соответствующих отношений осуществлялось исключительно через церковные установления до начала XVIII века.

Третий этап (XV век – 1917 год) – имперский.

Реформы Петра Первого изменили положение православной церкви. Абсолютистское давление на Церковь усиливалось, и завершилось отменой патриаршества.

Правовые нормы при Петре Первом приобретают военно-юридический характер. Артикул воинский 1715 года стал первым светским законом, где была предусмотрена норма, которая устанавливала ответственность за самоубийство. В исследования о российском законодательстве О.И. Чистяков замечает, что в военном артикуле № 164 отмечалось, что «тело того, кто сам себя убьет, палач должен оттянуть в бесчестное место и закопать, перед тем, таща его по улицам или обозу, чтобы, смотря на то, другие такого беззакония над собой совершать не решались» [64, с. 358].

Отдельного внимания заслуживает оправдание людей, которые страдали психическими заболеваниями. Они не подлежали осуждению общества, если покончили жизнь самоубийством, находясь в определенном эмоциональном состоянии. В соответствии с законодательством, захоронение данных лиц предполагалось за пределами кладбища, чтобы выразить к ним соответствующее отношение. Для тех, кто совершал данное деяние умышленно, осознанно, предполагались совершенно иные меры, в частности, размещение тел в «бесчестном месте».

Артикул воинский 1715 предусматривал также наказание за совершение попытки самоубийства. Отмечалось, что когда солдат будет пойман на том, что стремился «сам себя убить, а в том ему помешали и выполнить того он не мог, и сделал это от мучения, досады, или в беспамятстве или через стыд, то с бесчестьем должен быть изгнан из полка» [64, с. 359]. Другие причины покушения на самоубийство рассматривались как условие применения к этому лицу наказания в виде смертной казни.

По статье 117 «Кто сам себя убьет» Морского устава 1720 года предусмотрено, что тот, кто сам себя уже убил, того и мертвого за ноги повешено должно быть. Когда лицо заставляли за попыткой самоубийства, предусматривалась смертная казнь через повешение на рее. Но, в отличие от

Артикула воинского 1715 года «исключалась уголовная ответственность за покушение на самоубийство от мучений или невыносимых налогов, при огневых или меланхолических болезнях» [17, с. 112].

Как видно, субъектами преступлений, предусмотренных военными уставами Петра Первого, могли быть только лица со специальным правовым статусом – военнослужащие. В 1716 году специальным декретом Петра Первого военное законодательство было распространено на гражданское население. По мнению В.Б. Хатуева: «Любой субъект петровского государства приравнивался к солдату, право на жизнь которого принадлежало суверену» [82, с. 28].

Преемственность законодательства прослеживалась в новом нормативно-правовом акте, который регулировал вопросы уголовной ответственности – Свод законов Российской империи, опубликованный в 1835 году. Статья 347 Свода во многом копировала артикул № 164 о самоубийстве Артикула воинского 1715 года. В этой норме отсутствовало положение о надругательстве над телом самоубийцы, однако, самоубийца лишался христианского погребения, за исключением, если он лишил себя жизни в состоянии безумия. В диссертации Ю.А. Уколовой указывается: в Своде присутствовала ссылка на указ Сената от 10 ноября 1766 года связи с делом о действительности завещания самоубийцы, которая ограничивала негативные гражданско-правовые последствия для родственников самоубийцы [78, с. 43].

Законодательные положения относительно покушения на самоубийство оставались прежними. Это касается и отсутствия изменений, касающихся перечня исключений, в силу которых человек решался на самоубийство в силу наличия долгов по уплате налогов, чувства стыда, наличия определенных эмоциональных состояний. Сложно установить на практике действительно ли перечисленные аспекты существовали на самом деле.

Впоследствии данный список был все же исключен из Свода законов в силу отсутствия его целесообразности при анализе ситуации, конкретных случаев.

Нормативно-правовым документом, который поднял уголовный закон Российской империи на принципиально новый уровень, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 15 августа 1845 года.

В разделе десятом была предусмотрена целая глава, посвященная ответственности за совершение деяний, соединенных с самоубийством, которая так и называлась «О самоубийстве» (статьи 1943-1947 Уложения).

Статья 1943 Уложения предусматривала ответственность лица, лишившего себя жизни умышленно и на момент совершения самоубийства, было психически здоровым. О.И. Чистяков отмечает, что такое лицо признавалась таким, что «не имело права делать предсмертные распоряжения, а потому и духовное завещание его не приводится в исполнение и считается ничтожным. Если самоубийца принадлежал к одному из христианских вероисповеданий, то он лишался погребения по христианскому обряду» [64, с. 174].

Ю.А. Уколова обнаружила, что в судебной практике того времени в сомнительных случаях преобладала презумпция беспамьятства самоубийцы. Считалось, что такое противоестественное деяние, как лишение себя жизни, является подтверждением в значительной степени умственного расстройства, при том, что эта степень не могла быть оценена первый после смерти лица, и соответственно, любое сомнение трактовалось в пользу такого лица [78, с. 48].

Уголовные кодексы западных стран того времени исключили самоубийство и из числа преступных деяний [92]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года восприняло ту же позицию, но с некоторыми особенностями. Так, за покушение на самоубийство назначалось только церковное покаяние по распоряжению своего духовного начальства, но только в том случае, если указанное лицо было христианином. Как видно, Уложение 1845 года вобрало в себя прогрессивный взгляд на право человека распоряжаться собой, на отмежевание греха от преступления, или же отграничения нарушения моральных или религиозных законов от нарушения общественных.

Особенно интересными представляются положения статьи 1945 Уложения 1845 года, согласно которым, не относятся к положениям статей 1943, 1944 Уложения случаи, когда лицо подвергает себя очевидной опасности или верной смерти, по великодушному патриотизму, для сохранения государственной тайны или женщина лишает себя жизни или совершает покушение на него для спасения девственности или чести от насилия, и которое невозможно предотвратить в любой другой способ, т.е. совершение самоубийства или покушения на него по мотивам, которые признавались обществом и законом полезными, исключало не только уголовное преследование, но и любую негативную реакцию со стороны церкви. Более того, из содержания диспозиции статьи 1945 Уложения можно сделать вывод, что в этих обстоятельствах такое поведение оценивалась государством и обществом положительно и даже в определенной степени поощрялось как акт самопожертвования ради служения государству или поддерживая высокие принципы.

Уложение 1845 года не видело в самоубийстве преступления, но пособник при самоубийстве наказывался как пособник при умышленном убийстве. К пособничеству в этом случае относились уговоры, советы, подстрекательство, доставка средств для самоубийства, например, яда, оружия, а также к нему относилось любая участие в подготовке или совершении самоубийства (ст. 1946). Подвергалась такое участие наказанию, предусмотренному за пособничество в совершении умышленного убийства, на основании статьи 127 Уложения 1845 года, которая содержала положение о пособниках в преступлении.

Представляется, приравнивание пособника при самоубийстве к умышленному убийству, не является достаточно корректным. Убийца лишает потерпевшего жизни вопреки его воле, тогда как пособник при самоубийстве только побуждает у самоубийцы решимость в совершение акта суицида.

Хотя законодатель признавал самоубийство как свободный акт лица, однако предусматривал тот случай, когда лицо лишало себя вследствие

жестокое обращение с ним других лиц, которые имели над ним власть – родители, опекуны (ст. 1947 Уложения).

В Уложении 1885 года были сохранены положения, которые закреплены в подобном документе от 1845 года, учитывая их целесообразность, актуальность, несмотря на определенные изменения, которые происходили в обществе на тот момент времени. Начиная с этого момента, наблюдается тенденция запрета на совершение и попытку самоубийства, осуществляемого во вменяемом состоянии. В соответствии с актами законодательства была предусмотрена определенная ответственность.

1903 год ознаменовался принятием нового Уголовного уложения, что позволило грамотно устранить выявленные повторения и противоречия в Уложении от 1845 года, а также актуальных на тот временной период нормативно-правовых актов.

Непосредственно во время разработки Уголовного уложения 1903 года, покушение и реализованное самоубийство не считались уголовно-наказуемым деянием, как и доведение до данного действия. Самостоятельными составами преступлений являлись уговоры, помощь в приготовлении, подстрекательно к самоубийству. Сам человек, вне зависимости от его пола, возраста и социального статуса мог не осознавать всех последствий, к которым мог привести данный поступок.

В.Б. Хатуев отмечает, что подстрекательство к самоубийству мало отличалось от принуждения физического или психического к лишению себя жизни, а так же и от случаев умышленного введения в заблуждение относительно свойства действий, которые закончились смертью исполнителя, потому что во всех этих случаях виновный должен был отвечать как за обычное убийство (ст. 463) [81, с. 75].

За совершение преступления, предусмотренного статьей 463 Уголовного уложения 1903 года, винный наказывался каторгой на срок не более восьми лет.

Говоря про третий имперский этап, следует упомянуть об усилении абсолютизма. Отмена и последующая замена патриаршества Святейшим Синодом привело к уменьшению авторитета духовной власти. Органы законодательной власти учитывали христианские традиции по самоубийство, так как время правления Петра 1 ознаменовалось введением жестокого наказания за самоубийство и попытку его совершения. Данный аспект был актуален вплоть до середины XIX века.

Четвертый этап (1917-1996 годы) – советский.

Большевики сразу же с приходом к власти в октябре 1917 года провозгласили недействительным законодательство бывшей Российской империи (хотя определенное время и пользовались его уголовным законодательством), а также национальных правительств.

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1922 года знаменовало завершение первого этапа формирования в России уголовного законодательства, стало отправной вехой для дальнейшего движения российской правотворческой мысли к его развитию и совершенствованию, а главное – новый Уголовный кодекс стал действенным инструментом правоохранительных органов в их деятельности по защите от преступных посягательств новых общественных отношений.

Статьей 148 УК 1922 года устанавливалась ответственность за «содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или лица, заведомо не способного понимать свойства или значение им совершаемого или руководить своими поступками, если самоубийство или покушение на него последовали» [39]. Анализируя особенности объективной стороны данного преступного деяния, стоит упомянуть подговор или содействие к совершению самоубийства. Его можно было считать реализованным при смерти лица, нанесении телесных повреждений разной степени тяжести. Потерпевшими от данного действия могли считаться человек, который признан недееспособным или несовершеннолетний гражданин. Они не

способны оценить в полной мере, к каким последствия могут привести определенные поступки.

Многочисленные изменения и дополнения в УК РСФСР 1922 года состоялось после принятия союзным законодателем в 1924 году Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Учитывая необходимость приведения УК РСФСР в соответствии с Основными началами, перед законодателем встала задача приступить к разработке и принятию нового Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Обновленный Уголовный кодекс РСФСР был введен в действие с 1 января 1927 года [40].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года впервые в статье 141 был применен термин «доведение до самоубийства». Данная статья предусматривала ответственность за «доведение лица, находящегося в материальной или иной зависимости от другого лица, жестоким обращением последнего или иным подобным путем до самоубийства или покушения на него» лишением свободы на срок до пяти лет. Часть вторая статьи 141 УК РСФСР 1926 года полностью (и в диспозиции, и в санкции) воспроизводила статью 148 УК 1922 года.

После завершения гражданской войны, выбора политического курса на построение коммунистического общества проблема совершения самоубийств на территории СССР стала закрытой темой. О них не упоминалось в газетах, в телевизионных передачах. Представители органов законодательной власти полагали, что данное явление не имеет права на существование в равноправном и психически здоровом обществе. В соответствии с принятой идеологией, граждане должны были получать лишь ту информацию, которая прошла цензуру редакторов.

После окончания Великой отечественной войны, в пятидесятых годах началась работа над созданием нового уголовного законодательства СССР и союзных республик.

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года [70] специального состава преступления об ответственности за подговор к самоубийству или содействие в его осуществлении несовершеннолетнего или недееспособного лица, как это предполагалось в Уголовном кодексе 1926 года, уже не было. Это не означало, что УК РСФСР 1960 исключил ответственность за данное преступление. Ю.А. Уколова также обнаружила, что судебная практика пошла путем признания убийством содействие или подговор к самоубийству несовершеннолетнего или недееспособного лица. Подобное деяние содержит все признаки умышленного убийства, о чем неоднократно отмечалось в литературе. Предлагалось также, учитывая особый способ совершения такого убийства, отнести его к квалифицированным видам убийств и закрепить данное положение на законодательном уровне [78, с. 60].

Вместе с тем Уголовный кодекс 1960 года усовершенствовал норму об ответственности за доведение до самоубийства. Статья 107 УК РСФСР 1960 г. доведением лица, которое находится в материальной или иной зависимости от виновного, до самоубийства или покушения на него путем жестокого обращения с потерпевшим или систематического унижения его личного достоинства устанавливала санкцию в виде лишения свободы на срок до пяти лет.

Ученые-правоведы того времени считали под материальной зависимостью такую зависимость, в которой находились несовершеннолетние или нетрудоспособные дети от родителей, а в некоторых случаях нетрудоспособные родители от детей, несовершеннолетние и нетрудоспособные падчерица или пасынок от отчима или мачехи и др. В зависимости друг от друга находились супруги, если материально каждый из них был в состоянии обеспечить себя самостоятельно. В зависимости (иной, не материальной) находились, например, подследственный от следователя, подчиненный по службе от начальника и т.д. [78, с. 63].

С объективной стороны доведение до самоубийства выражалось в активных действиях, которые подталкивали потерпевшего к самоубийству.

Они могли состоять или в жестоком обращении с потерпевшим (побои, длительное лишение пищи и т.д.), либо в систематическом унижении его личного достоинства (травля, распространение клеветнических измышлений и т.д.). Оконченным состав рассматриваемого преступления признавался в том случае, если произошло самоубийство или покушение на него.

Субъективная сторона доведения до самоубийства характеризовалась виной в форме неосторожности или косвенного умысла.

Пятый этап (1996 год - до настоящего времени).

Формирования государственности в России требовало не только правового обеспечения нормального функционирования общественно-экономического устройства нового государства, но и, в первую очередь, необходимости гарантированной правовой охраны и защищенности жизни ее граждан.

После принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации, началась активная разработка нового уголовного законодательства. Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации был принят Государственной думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года, подписан президентом 13 июня 1996 года и вступил в силу с 1 января 1997 года, сменив Уголовный кодекс РСФСР 1960 года.

Уголовный кодекс РФ предусмотрел в статье 110 ответственность за доведение до самоубийства, которая и станет объектом нашего дальнейшего исследования.

Таким образом, рассмотрение научных взглядов на особенности доведение до самоубийства лица в разные исторические периоды позволил выделить следующие этапы исторического развития указанного законодательства в России:

- старославянский этап – самоубийства выполняют положительную социальную функцию;

- христианский этап – церковные и светские уголовные законы, которые появились на Руси, впервые упоминают доведение до самоубийства;
- имперский этап – законодатель закрепляет христианские традиции в оценке самоубийства. Самоубийство и покушение на него считались преступлением;
- советский этап – ст. 148 УК РСФСР 1922 года устанавливает уголовную ответственность за содействие или подговор к самоубийству, а в ст. 141 УК РСФСР 1926 года впервые применен термин «доведение до самоубийства»;
- современный этап – в УК РФ установлена ответственность за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство (ст. 110 УК РФ).

1.2 Понятие, общая характеристика и правовое значение ответственности за доведение до самоубийства в законодательстве Российской Федерации

Суицидальность рассматривается в списке фоновых явлений преступности, ведь она имеет сильные корреляционные связи с агрессивно-насильственными преступлениями. В связи с этим Н.В. Александрова подчеркивает, что существует высокий потенциал повышения эффективности противодействия преступности за счет противодействия фоновым для нее явлениям, что объясняется тождественным во многих случаях объектом предупредительного влияния, и предлагает определение фоновых для преступности явлений: это форма социальной девиантности, которая выражается в массовых, статистических проявлениях непреступного аморального поведения (деятельности), которая отражает личностные деформации, а также действие видовых (групповых) общественных

противоречий, способных детерминировать совершение отдельных преступлений и преступности в целом [1, с. 16].

Чаще всего суицидальный поступок является индивидуальным решением, итогом размышлений отдельно взятого человека. Однако, как свидетельствуют результаты исследований И.Л. Шелехова, «самоубийство представляет собой устойчивое социальное явление, распространенность которого имеет определенные закономерности, связанные с социально-экономическими, культурно-историческими и этническими условиями развития» [87, с. 54]. Характерной чертой является тот факт, что всплеск суицидальной активности наблюдается в периоды социальных и политических изменений в жизни общества, поскольку существуют определенные группы населения или отдельные личности, которые не могут адаптироваться к коренному изменению системы ценностей, изменению образа жизни и т.п.

Итак, доведение до самоубийства нужно рассматривать не только с правовой, но и с социальной точки зрения, поскольку существует печальная статистика увеличения самоубийств, обусловленная ухудшением экологических условий, распространением различных субкультур, религиозного сектантства, бурным развитием информационных технологий [22].

Классическим считается определение, данное Э. Дюркгеймом в его работе «Самоубийство», изданной в 1897 в Париже, в которой самоубийством называется «всякий случай смерти, который прямо или косвенно является результатом положительного или отрицательного поступка, совершенного самим пострадавшим, если последний знал о последствиях этого поступка; покушение на самоубийство – это вполне однородное действие, но только не доведенное до конца» [25, с. 168].

Согласно определению, опубликованному В.С. Ефремова, «суицид – акт самоубийства с летальным исходом; покушение на самоубийство – аналогичный акт, не имеющий фатального результата» [28, с. 54].

Термин «самоубийство» применяется в современном уголовном законодательстве России в статьях 110, 110.1, 110.2, но его смысл не раскрывается. Узкое понимание этого термина предложено в науке уголовного права – самоубийством является умышленное причинение самому себе смерти. Данное понятие включает в себя принадлежность самоубийства к волевым актам, а также наличие умысла (лишение себя жизни, достижение смерти).

С правовой точки зрения достаточно полным представляется определение самоубийства, предложенного В.В. Нечипоренко – это разновидность аморальной деятельности человека, целью которой является прекращение собственной жизни, что определяется осознанным, волевым (управляемым, желанным) характером, и проявляется как результат сложного взаимодействия внешних психотравмирующих факторов и личностных качеств субъекта такой деятельности и влечет за собой его смерть [38, с. 42].

По мнению Ю.А. Уколовой, самоубийство – это:

- «экстраординарное социально-биопсихологическое явление, в котором комплексно обнаруживаются признаки множества совершенных и совершаемых самоубийств (на определенной территории в определенное время)» [78, с. 31]. Поэтому можно говорить о некоторых моделях самоубийства (например, японская модель самоубийства с пиками в молодом возрасте и старости, ритуалами и особым отношением к смерти как к неотъемлемой составляющей жизни);
- «вполне осознанные совершаемые действия отдельным лицом (лицами) с целью прекратить свое существование, следствием которых является (может быть) его (их) смерть» [78, с. 31].

Итак, самоубийство характеризуется следующими признаками:

- аморальная цель – лишить себя жизни;
- потерпевший и субъект совпадают в одном лице;

- собственная смерть вызывается собственными действиями (бездействием).

Специфика данного преступного деяния в том, что самоубийство – это один из видов неестественной смерти, при которой человек наносит самому себе определенные повреждения. Другой вопрос, что именно доведение до данного преступного деяния через уговоры, подстрекательство считается действием, которое предполагает опосредованное участие другого лица.

Существует множество причин, которые толкают человека к такой смерти. Высокое место занимают причины социального направления. К ним можно отнести: имущественное неравенство, национальные и классовые противоречия, изменение социального статуса, бездействие и коррумпированность государственных органов, военные конфликты и т.п.

К экономическим причинам можно отнести кризисные явления, которые снижают жизненный уровень многих людей. Главной причиной совершения самоубийств в России остается социально-экономическое положение большей части ее граждан, которое не соответствует современным стандартам жизни цивилизованного человека. Наиболее социально незащищенные слои населения – пенсионеры и молодежь – преобладают среди жертв суицида. Достаточно часто полосы газет пестрят сообщениями о смерти людей, которые соблазнились на дешевые банковские кредиты. И в результате финансового кризиса, пандемии и т.п. не зависящих от человека причин не смогли рассчитаться даже за проценты и покончили жизнь самоубийством, иногда не без помощи посредников. К примеру, в статье С.А. Борисова опубликовано: московский врач-гинеколог с 36-летним стажем работы покончил с собой после очередного звонка с угрозами от коллекторов. Медик брал кредит на развитие сельскохозяйственного бизнеса и оказался должен банкам девять миллионов рублей, но не мог совершать ежемесячные платежи из-за потери работы [9].

Зависимость индивида от социального окружения и собственной психики предопределяет его склонность к суицидальным действиям и

поступкам. Некоторые ученые считают, что суицидальные настроения возникают преимущественно на переходных этапах жизни, к примеру мнению В.В. Нечипоренко: подростковый период, юность, создания семьи, беременность и роды, тяжелая болезнь и смерть одного из супругов и др. Суицидальные намерения вызывает конфликтное эмоциональное состояние, которое выполняет, кроме охранно-диагностической, еще и разрушительную функцию. Конфликт может привести к разной степени социальной дезадаптации личности – от легких форм (психологический дискомфорт) к самой тяжелой степени дезадаптации (полного разрыва всех связей, чувства собственной ненужности) [39, с. 38].

Самоубийства такие лица могут совершить и помощью других лиц, преступнику стоит лишь довести их до такой степени дезадаптации, когда человек выбирает один выход решения проблем – совершить самоубийство. Преступник моделирует свое поведение, чтобы спровоцировать жертву к попытке самоубийства.

В российском законодательстве предусмотрена уголовная ответственность за доведение лица до самоубийства или покушения на него (ст. 110 УК РФ).

В данном составе преступления непосредственным объектом считается жизнь человека. К примеру, по мнению С.В. Бородина: в рамках теории уголовного права начальный момент жизни представляет собой физиологические роды. Рождение сопряжено с началом дыхания, отделением ребенка от утробы матери, развитием в совершенной иной среде, чем это было в перинатальный период. Смерть считается второй временной границей жизни человека. Она наступает при начале необратимых процессов распада центральной нервной системы и клеток головного мозга, остановкой сердцебиения [10, с. 28]. Следует подчеркнуть, что «только необратимая гибель всего головного мозга является основанием для констатации смерти человека. Необратимость его гибели устанавливается на основании ряда

критериев (признаков), определенных Порядком установления диагноза смерти мозга человека» [41].

В процессе убийства человек не способен сделать выбор, чтобы сохранить свою жизнь, избежать смерти. Говоря про самоубийство, виновным лицом будет считаться человек, который своими действиями, уговорами довел гражданина до данного преступного деяния, что отражено в статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации. Сам потерпевший обладает возможностью сделать выбор: довести до конца свои намерения или отказаться от них в силу определенных причин. Достоинство человека выступает дополнительным альтернативным объектом.

Объективной стороной является деяние, которое приводит к такому результату, как самоубийство или покушение на него. Но ответственность возможна только, если лицо подтолкнуть к самоубийству неправомерными действиями.

Доведение до самоубийства совершается разными способами: регулярное унижение человеческого достоинства, эмоциональное, физическое, социальное насилие, рассказ о преимуществах данного преступного деяния [93]. Последний аспект распространен среди руководителей неформальных групп, которые вовлекают разных граждан, в частности, несовершеннолетних в свои ряды. Они могут организовывать свою деятельность в сети Интернет, оказывать негативное влияние на эмоциональное состояние детей и подростков. В статье 110 Уголовного кодекса Российской Федерации указаны способы доведения до самоубийства, за которые человек может быть привлечен к уголовной ответственности.

По мнению А.В. Стрункиной: человек может решиться на данное преступное деяние, если регулярно получает угрозы, как напрямую от определенного лица, так и анонимно. Они представляют собой намерение причинить материальный, физический, другой ущерб конкретному гражданину, его интересам, репутации в обществе [73, с. 164]. Одним из видов угроз является шантаж – запугивание угрозой разоблачить или разгласить

определенную информацию, которая может опозорить потерпевшего, его близких, опорочить его репутацию.

Другой способ сопряжен с грубыми действиями, зачастую безжалостными, применение которых доставляют страдания (моральные или физические) пострадавшему. Среди разновидностей таких действий могут быть разнообразные лишения (еды, воды или сна), побои и подобное.

О.С. Капинус в комментарии к УК РФ отмечает, что под систематическим унижением человеческого достоинства понимают многократные обиды, глумление над потерпевшим, травля, распространение клеветы, иное унижительное отношение к потерпевшему [36, с. 362]. Нельзя считать доведение до самоубийства супружескую измену, отказ от заключения брака, раздел имущества решение подать на развод, что прописано в соответствующих документах. Главное, чтобы подобные обстоятельства не были сопряжены с другими действиями, из-за которых происходит эмоциональное и физическое насилие.

Подробнее особенности способов доведения до самоубийства будут рассмотрены в следующей главе.

Субъективная сторона данного преступления выражена в вине в форме умысла (если лицо осознавало общественно опасный характер своего деяния, предвидело его общественно опасные последствия и желало их наступления или не желало, но сознательно допускало их наступление) или неосторожности

Субъект такого состава преступления общий, то есть физическое вменяемое лицо (гражданин России, иностранец, лицо без гражданства), достигшее возраста, с которого может наступать уголовная ответственность (16 лет).

Таким образом, самоубийство – это результат сознательных действий со стороны определенного лица, которое полностью осознает или ожидает летальный исход и является одной из основных проблем общественного здравоохранения (по определению Всемирной организации здравоохранения).

По уголовному законодательству РФ только доведение до самоубийства из числа всех причин, приводящих к суициду, является уголовно наказуемым преступлением против личности (ст. 110 УК РФ).

Субъективная сторона данного преступления выражена в вине в форме умысла или неосторожности. Субъект такого состава преступления общий, то есть физическое вменяемое лицо, достигшее возраста, с которого может наступать уголовная ответственность (16 лет).

На основании изучения материалов практики, а также литературных источников, можно предложить следующее понятие доведение до самоубийства как побуждение преступником лица к совершению им суицидального акта, используя его психическое и физиологическое состояние с применением системы способов физического воздействия (физического насилия) и (или) психологического воздействия (психического насилия), определенного комплекса физического и психического насилия.

Глава 2 Актуальные проблемы квалификации преступлений, связанных с доведением до самоубийства

2.1 Особенности способов доведения до самоубийства

Объективная сторона состава преступления – это совокупность установленных уголовным законом признаков, характеризующих внешний процесс преступного посягательства, то есть то, что можно объективно зафиксировать, увидеть, услышать.

По мнению И.О. Валиева: «признаки объективной стороны преступления делятся на две группы: обязательные и факультативные. К обязательным признакам состава преступления относится общественно-опасное деяние в форме действия бездействия, к факультативным – общественно-опасные последствия, причинная связь, место, время, обстановка и способ совершения преступления» [15, с. 46]. Факультативные признаки, хотя и свойственные любому преступлению как явлению объективной действительности, но далеко не всегда указываются в законе как признаки конкретного состава преступления.

И.В. Валиев Также отмечает, что именно «в объективных данных в наибольшей степени воплощается общественная опасность преступления, которая зависит прежде всего от вредных последствий, формы поведения субъекта (действие или бездействие) других обстоятельств (места, времени, способа, обстановки совершения преступления и т.д.)» [15, с. 47]. Вместе с тем, об общественной опасности деяния свидетельствуют также и субъективные признаки: вина, мотив, цель, эмоциональное переживание, личность преступника. Но выяснить их содержание можно только опираясь на объективные данные.

О.С. Капинус, комментируя УК РФ, заметил, что «деяние всегда или непосредственно указывается в диспозиции статьи Особенной части УК, или однозначно следует из ее содержания и, таким образом, является

обязательным признаком объективной стороны состава преступления. Поэтому установление признаков такого деяния (действия или бездействия) является обязательным по каждому уголовному делу» [37, с. 205].

Признаки деяния в объективной стороне преступления, предусмотренного статьей 110 УК ПФ, описаны в законе очень лаконично: «путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего, что вызывает определенные трудности и в понимании этих признаков, и в квалификации данных преступлений. Закон дает исчерпывающий, но альтернативный набор способов доведения до самоубийства, чтобы привлечь к уголовной ответственности за доведение до самоубийства достаточно одного из указанных в ст.110 УК РФ способов» [76].

Первым из указанных в уголовном законе способов доведения до самоубийства либо покушения на самоубийства выступают угрозы, под которыми, исходя из судебного толкования и практики, понимается согласно постановлению ВС Республики Северная Осетия-Алания по делу № 22-485/2017 «противоправное, общественно опасное, информационное воздействие на психику потерпевшего, заключающееся в обнаружении субъективной решимости причинить вред его правоохраняемым интересам. По своему содержанию это могут быть угрозы применения насилия, уничтожения или повреждения имущества, распространения нежелательных к огласке сведений, лишения материальной помощи и т.д. [4].

Так, Вавилов, 3 сентября 2018, дал взаймы Проскуриной деньги в сумме 200 000 рублей, с требованием о возврате им денег в начале 2019 года в сумме 220 000 рублей. Однако, Проскурина вовремя долг вернуть не смогла и требования Вавилова начали сопровождаться требованием переписать на него ее дом, угрозах повреждения дома ее родителей, угрозами причинения телесных повреждений в сторону последней, ее родителей и особенно в адрес ее несовершеннолетнего больного ребенка.

12 августа 2009 Вавилов приехал в домовладения Проскуриной, где во время угроз, за невозврат долга, прижал последнюю телом к забору, в результате чего потерпевшая получила телесные повреждения в виде ссадины правого плеча. Своими действиями последний довел Проскурину до самоубийства.

Не выдержав угроз, шантажа, систематического унижения человеческого достоинства Проскурина 14 августа 2019 около находясь по месту своего жительства, и имея психическое расстройство невротического уровня, возникшее в результате действий Вавилова, пыталась покончить жизнь через самоубийство, для чего использовала медицинские таблетированные препараты, но осталась жива по причинам, не зависящим от ее воли, а путем предоставления своевременной медицинской помощи.

Вавилов признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ и ему назначено наказание в виде принудительных сроком в 2 (два) года [48].

В теории и судебной практике сложились противоположные мнения и позиции – достаточно ли единичного факта угрозы, чтобы довести потерпевшего до самоубийства?

Так, Е.В. Буряковская полагает, что и «однократная угроза может привести к самоубийству или покушению на самоубийство» [11, с. 69] и приводит в пример приговор Кунцевского районного суда г. Москвы, которым «З. признан виновным в доведении до самоубийства малолетнего Д. и приговорен к лишению свободы сроком на 4 года за то, что он пришел в школу чтобы разобраться, почему один из учеников – малолетний Д. обижал его ребенка, при этом З. оскорблял его с использованием ненормативной лексики и угрозами о физической расправе, включая угрозы убийством, которые сопровождалась активной жестикуляцией и повышенным тоном, чем З. создал острую психотравмирующую ситуацию для малолетнего Д. который по возвращении из школы, находясь в подавленном состоянии, попрощался с друзьями, раздал свои игрушки и накопленные денежные средства, после чего

выпрыгнул с балкона квартиры, расположенной на 13 этаже жилого дома, в котором проживал» [52].

В приговоре Южно-Сахалинского городского суда от 4 июня 2014 г. по делу № 1-1114/2013 подтверждена такая же позиция: «по смыслу ст. 110 УК РФ для квалификации за доведение до самоубийства или покушения на него достаточен и единичный факт угрозы, но ее сила должна быть достаточно высока и интенсивна для восприятия жертвой для того, чтобы потерпевший принял решение о самоубийстве» [62].

Другая позиция состоит в том, что для квалификации доведения до самоубийства угроз должно быть несколько – две и более [79, с. 27]. Такая позиция также подтверждена судебной практикой. В оправдательном приговоре суда Тракторозаводского района г. Челябинска подчеркивается, что «законодатель говорит об угрозах как способе доведения до самоубийства во множественном числе, в связи с чем представляется, что единичный случай угрозы со стороны виновного еще не является основанием для вменения ст. 110 УК РФ, а по данному уголовному делу суду не было представлено доказательств, выражения множественных угроз в адрес потерпевшего» [57].

Мы поддерживаем все-таки первую позицию, считаем, что для факта доведения самоубийства с учетом обстоятельств дела, достаточно и одной угрозы, иначе доведение до самоубийства малолетнего Д., рассмотренное в вышеприведенном приговоре Кунцевского районного суда осталось бы безнаказанным. Но представляется, что Верховный Суд должен истолковать эти спорные и противоречивые моменты однозначно.

В ст. 110 УК РФ не закреплено, однако и теоретические исследования, и судебная практика называют одним из способов доведения до самоубийства шантаж потерпевшего. При этом в одних источниках шантаж охватывается понятием угрозы (как угроза распространения нежелательных к огласке сведений) [12, с. 70], в других случаях квалифицируется как самостоятельный, хотя и не закрепленный законодательно способ доведения до самоубийства наряду с угрозами.

К примеру, Санков был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных п. «б» ч.3 ст.163 и ст.110 УК РФ за вымогательство и доведение до самоубийства гр. Б. путем шантажа, угроз применения насилия и распространения, позорящих того сведений и унижения человеческого достоинства. Шантаж заключался в угрозе задержания потерпевшего Б. за якобы совершенные им тяжкие преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, а также связанные с незаконным оборотом наркотиков и оружия, вследствие чего Б., реально воспринимая высказанные Санковым угрозы применения насилия и привлечения его к уголовной ответственности за указанные преступления, которые фактически не совершал, а также опасаясь наступления в связи с этим негативных для него и его семьи последствий в виде незаконного лишения свободы и распространения позорящих его сведений в случае отказа выполнить их незаконные требования, находясь при этом под психологическим давлением преступников, составил предсмертное письмо, в котором подробно изложил причины принятого им решения и противоправные действия Санкова и его подельников, совершил самоубийство путем повешения.

Материалы уголовного дела свидетельствуют о том, что подэкспертный путем шантажа был доведен до самоубийства. Так, заключением комплексной психолого-психиатрической судебной экспертизы установлено, что Б. в период, предшествующий смерти, находился в реактивном депрессивном состоянии, резвившимся в связи с психотравмирующей ситуацией (из-за шантажного поведения Санкова А.А., Иного лица и Пасугинова Л.Ц.), и путем шантажа был доведен до самоубийства [61].

Еще пример: по сообщению СКР Ставропольского края в Советском районе мужчина довел до самоубийства 15-летнюю девушку. В одном из домовладений была обнаружена повешенной 15-летняя девушка. Выяснилось, что «девушка, вернувшись ночью с прогулки, зашла в хозяйственную постройку и повесилась. На своем компьютере она оставила предсмертную записку со словом «Простите». В ходе расследования этой трагедии было

установлено, что бывший 29-летний возлюбленный погибшей угрожал ей распространить имеющуюся у него видеозапись их интимных отношений» [86].

Таким образом, шантаж в квалификации доведения до самоубийства является разновидностью угрозы, однако в научной литературе и судебной практике он практически не изучается и не называется, хотя во многих приговорах одним из решающих действий, понудивших потерпевшего к самоубийству, выступает именно такой способ угрозы, как шантаж и мы предлагаем в диспозиции статьи 110 УК РФ выделить этот способ в качестве самостоятельного способа доведения до самоубийства, как это сделано в случае с вымогательством в ст. 163 УК РФ, где под шантажом понимается «угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких». Толкование шантажа как способа совершения вымогательства дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» [42].

В исследованиях Г.В. Елисеевой: по своим характеристикам угрозы должны быть реальными и действительными; они могут носить непосредственный или опосредованный временем характер. Для квалификации преступления следует установить, что угрозы воспринимались потерпевшим как представляющие реальную опасность для его существования [27, с. 65].

Для квалификации важно, что «в составе доведения до самоубийства угрозы не подкрепляются выдвижением каких-либо конкретных требований со стороны виновного (например, передачи имущества, вступления в сексуальные отношения и т.д.); в противном случае содеянное подлежит квалификации по иным статьям УК РФ в соответствии с направленностью умысла (например, грабеж, изнасилование и т.д.)» [51].

Жестокие действия, применимые к потерпевшему являются еще одним способом доведения до самоубийства, зафиксированным в уголовном законодательстве. Необходимо согласиться с исследователем доведение до самоубийства Ю.А. Уколовой, что «по своему объему термин жестокое обращение является достаточно широким оценочным понятием. Оно охватывает различные деяния, причиняющие потерпевшему физических или психических страданий. Жестокое обращение может выражаться в избиении, издевательствах, смехе, мучении, истязании, лишении потерпевшего свободы, питания, содержании его в сыром или холодном помещении, принуждении к выполнению бессмысленной, изнурительной работы, преследовании и т.д. Этот способ предполагает собой реальное причинение определенного вреда потерпевшему, приводящее в итоге к принятию жертвой решения лишить себя жизни, чтобы избежать жестокого обращения» [78, с. 96].

В связи с этим можно А.М. Смирнов делает вывод, что «жестокому обращению свойственно физическое насилие, включаемое в качестве одного из способов своего совершения. Так, в случаях длительного циничного и жестокого обращения с потерпевшим, который в определенный момент, не вынеся побоев и истязаний, совершает самоубийство. Чаще всего такие способы доведения до самоубийства наблюдаются среди военнослужащих («неустанные отношения») и при семейном насилии. Для констатации жестокого обращения с потерпевшим важно установить, что действие виновного не была единичным и случайным, а являло собой систему целенаправленных продолжающихся действий виновного» [69, с. 517].

Проиллюстрируем следующими примерами из судебной практики. Так, отец малолетнего, систематически в виде наказаний заставлял его списывать большое количество ученических тетрадей, изучать большое количество стихов до поздней ночи за то, что последний приходил из школы с плохими оценками. Малолетний по требованию своего отца, должен был стоять в углу комнаты на коленях и держать в своих вытянутых руках тяжести, в том числе гантелю, утюг и тому подобное. В случае невыполнения требований отца, за

этим следовало обязательное наказание путем нанесения ударов ремнем по всем частям тела. В дополнение к вышеописанным наказаниям, отец систематически запрещал своему сыну выходить гулять на улицу после его возвращения из школы. Жестокое обращение отца привело к суицидальным действиям со стороны малолетнего [51].

Другой пример и из судебной практики также подтверждает систематический характер жестокого обращения при доведении до самоубийства. Так, гражданин В., в период времени с конца лета 2018 года по 3 марта 2019, умышленно систематически унижал человеческое достоинство несовершеннолетнего Б., что выразилось в том, что он, зная, что Б. является несовершеннолетним и в связи со своими возрастными умственными особенностями не может сопротивляться его противозаконным действиям к нему, жестоко обращался с потерпевшим, а именно систематически наносил ему телесные повреждения, осуществлял психологическое давление на несовершеннолетнего Б., заставлял к совершению действий, которые унижают честь и достоинство потерпевшего, а именно, принуждал к вступлению в половую связь с незнакомой девушкой, постоянно смеялся, травил и унижительно относился к несовершеннолетнему Б. в присутствии других людей, в результате таких незаконных действий гражданина В., в вечернее время 3 марта 2019, несовершеннолетний Б., находясь по месту жительства гражданина В., не выдержав издевательств со стороны гражданина В., который был в состоянии алкогольного опьянения, покончил жизнь самоубийством, путем выпрыгивания с балкона вышеуказанной квартиры, расположенной на седьмом этаже девятиэтажного дома и погиб [54].

В приведенном примере факт жестокого обращения устанавливался за период, примерно, в шесть месяцев. Та ситуация, которая была рассмотрена выше как раз иллюстрирует повторяющуюся психотравмирующую ситуацию, где противоправные деяния были систематическими.

В литературе и судебной практике встречаются примеры, когда единичный случай жестокого обращения дает основание для привлечения

лица к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ.

Например, «Белослудцев М.Ю., Толстых П.А., Фортунатов Р.О. совершили доведение потерпевшего Шерстянникова до самоубийства причинения побоев, издевательства (испустили на него мочу), угроза совершения с ним акта мужеложства, вследствие чего Шерстянников А.Г. покончил с жизнью самоубийством путем повешения в своей ограде» [58].

В энциклопедии уголовного права отмечается, что «жестокое обращение не может выражаться в разовом противоправном поведении виновного относительно потерпевшего, свидетельствуют и такие обстоятельства. Термин «жестокое обращение» употребляется законодателем в единичном числе, но термин «обращение» предполагает процесс, систему целенаправленных продолжающихся действий виновного» [88, с. 670]. К примеру, судебная практика стоит на позиции, что «для квалификации по ст. 156 УК РФ неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего в сочетании с жестоким обращением с ним должно представлять систему таких действий (бездействия). Если имел место один случай причинения вреда здоровью, оскорбления и т.д., то может наступить уголовная ответственность только за иное, конкретно совершенное преступление» [71].

Суды часто обращают внимание именно на систематичность физических или психических страданий, причиняемых потерпевшему: «жестокое обращение предполагает некоторую систему поступков, которые сами по себе могут выражаться как в действии (побои, принуждение к труду, выдворение из дома и др.), так и в бездействии (непредоставление еды, одежды и др.). Именно система поступков, связанных единым умыслом, отражает общую линию поведения субъекта и может свидетельствовать о характере его обращения с потерпевшим» [51].

Наиболее точное определение жестокого обращения, на наш взгляд, представлено в исследовании Э.В. Рыжова, который называет его

«систематическим проявлением жестокости» [65, с. 62], т.е. жестокое обращение не просто регулярное, а постоянно продолжающееся физическое и психическое воздействие, которое может меняться в своем течении по степени интенсивности.

В соответствии с положениями ст. 110 УК РФ, рассматриваются признаки жестокого обращения. При этом считается, что жестокое обращение – это систематические, продолжающиеся в течение долгого промежутка времени грубые действия с целью причинения физического вреда или психических страданий другому лицу.

Следующим способом доведения до самоубийства является систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

Юридический словарь понимает под достоинством «совокупность черт, характеризующих положительные нравственные качества; осознание человеком своего общественного веса, общественного долга» [89, с. 141].

В теории юридической науки термин достоинства стоит в ряду нравственных терминов, которые олицетворяют собой самоуважение к личности. А.Г. Барсуков считает, что «достоинство – это внутренняя самооценка лицом собственных качеств, способностей, мировоззрения, своего общественного значения, основанной на общественном, то есть публичном определении ценности этого лица. Оценка человеческого достоинства имеет очень субъективный характер, соответственно, и унижение воспринимается каждым человеком по-разному (в зависимости от положения в обществе, воспитания, ценностных ориентиров, личности того, кто унижает). Из того следует, что понятие человеческого достоинства имеет оценочный характер, однако, исключить его из применения в уголовном праве не представляется возможным» [5, с. 20].

В.Б. Хатуев понимает «под систематическим унижением человеческого достоинства постоянное длительное циничное унижительное отношение к потерпевшему, которое выражается в несправедливых, оскорбительных действиях виновного (глумления, травля, клевета и т.п.). В единичных случаях

при оскорблении, клевете, издевательствах не образуется состава доведения до самоубийства» [80, с. 127].

Судебная практика исходит из того, что «систематическое унижение человеческого достоинства выражается в виде неоднократного (более двух-раз) умаления достоинства личности, совершенного в откровенно циничных, противоречащих принятым в обществе формам обращения между людьми» [59].

В одном из приговоров предложено следующее определение: «Систематическое унижение человеческого достоинства – это совершенные три и более раза, связанные единым умыслом и отражающие единую линию поведения субъекта проявления унижительного обращения с потерпевшим. Оно может выражаться в нанесении оскорблений, распространении клеветнических сведений, травле, несправедливой критике и т.д.» [51].

К примеру, Бакушев приговорен по ч. 1 ст. 110 УК РФ к лишению свободы на срок 2 (два) года 6 (шесть) месяцев. Судом было установлено, что период с конца июля 2016 года по 30 декабря 2019 года Бакушев, будучи в состоянии алкогольного опьянения, испытывая личную неприязнь к своей сожительнице П.Ю.А., систематически наносил ей побои, высказывая оскорбления в нецензурной форме, причиняя тем самым последней физические и психические страдания, которые сопровождались чувствами боли, унижения, обиды, вследствие чего 0 декабря 2019 года, находясь в строении летней душевой во дворе домовладения, не выдержав жестокого обращения и причинения нравственных страданий, потерпевшая покончила жизнь самоубийством путем повешения [49].

Однако, чаще всего в приговорах суды ограничиваются формулировкой «совершила суицид из-за многократных систематических случаев унижения её чести и достоинства со стороны виновного», не раскрывая способа совершения доведения до самоубийства, что считаем неправильным. Стоит обратить на такой способ доведения до самоубийства как «травля», а в структуре механизма доведения до самоубийства необходимо отметить о роли

новейших технологий. Речь идет о так называемом буллинге (кибербуллинге) – то есть деяниях, которые заключаются в психологическом, физическом, экономическом, сексуальном насилии, в том числе с применением средств электронных коммуникаций, вследствие чего потерпевшим мог быть или был причинен вред психическому либо физическому здоровью потерпевшего [30, с. 14].

Методы, применяемые в случае такой формы агрессии, обычно имеют неотвратимый характер и чаще всего используются в преступной деятельности правонарушителей, последствием которых часто наступает и самоубийство.

К ним относятся:

- анонимные угрозы – пересылка агрессором писем с оскорблениями, запугиванием без подписи на электронный адрес жертвы, чтобы психически ее унижить и заставить ее страдать;
- киберсталкинг – длительная повторяющаяся рассылка угроз своей жертве через мобильную связь, электронную почту или страницы в социальных сетях;
- флеминг – обмен короткими враждебными эмоциональными репликами между двумя лицами;
- харассмент – длительное одностороннее агрессивное вербальное и / или невербальное влияние одного или нескольких агрессоров на жертву путем направления на ее электронную почту сообщений (сотни или тысячи текстовых сообщений на мобильный телефон жертвы, которой поступают огромные счета за их получение);
- клевета – унижительная, ложная информация о жертве, размещаемой агрессором на персональной странице жертвы, или которая поступает по электронной почте (фото);
- персонация – агрессор выдает себя за жертву, используя ее пароль, направляет ложную, оскорбительную информацию от имени жертвы;

- публичное разоблачение и мошенничество – обнародование личной информации;
- флеминг - может быть каким-то парадоксальным, разрушающим стереотипы изречением для разжигания конфликта между участниками, взаимных обид;
- исключение / остракизм – реализуется через невербальный бойкот общения, блокирование доступа к своему профилю;
- хепислепинг (радостное хлопанье) – видеоролики, в которых без согласия жертвы сняты реальные сцены насилия, размещенные на таких ресурсах, где их могут посмотреть миллионы людей [63, с. 109].

Сегодня все чаще мы слышим о моббинге как социальном явлении. Следует отметить, что он провоцирует многих людей, которые, в свою очередь, имеют психические расстройства, неустойчивую психику или плохо адаптируются в социуме, к увольнению с работы, к судебным процессам, материальным затратам, и даже к самоубийству.

«Моббинг» – это психологическое давление, травля одного человека другими или его части (распространенный среди трудовых коллективов, военнослужащих, школьников, студентов), который осуществляется обычно с целью высмеивания, обливания грязью, систематического распространения унижающих сплетен, порчи личных вещей, надписей на стенах, телефонный троллинг, что, в свою очередь, заставляют человека постоянно находиться в эмоциональном напряжении [46, с. 15].

Жертвами моббинга чаще всего становятся представители расовых, этнических, религиозных меньшинств, лица, имеющие физические и психологические отклонения, лица, не вписывающиеся в «коллектив», и начинается их травля, которая может привести к самоубийству [94].

Моббинг, буллинг (кибербуллинг) - достаточно персонифицированная попытка постоянного унижения достоинства человека, которая в итоге может привести к самоубийству. В настоящем уголовном законодательстве прямой

ответственности за подобные действия в российском законодательстве не предусмотрено, поэтому если названные способы травли приводят к самоубийству жертвы, квалифицировать содеянное должно по ст. 110 УК РФ.

Если учитывать состав правонарушения доведение до самоубийства по российскому уголовному законодательству, то к признакам, помимо тех, что перечислены в ст. 110 УК РФ, стоит отнести факт смерти или самоубийства, а также суицидальные попытки причинения смерти самому себе. Виновное лицо совершает определенные действия, которые относятся к категории «доведение», а непосредственно самоубийство – осуществляется потерпевшим лицом. По этой причине в законодательстве разделены эти два понятия – доведение и самоубийство. О.А. Гусак говорит о том, что «законодатель не склонен включать факт самоубийства или покушение на самоубийство в содержание деяния, которое ставится субъекту преступления в вину. Грамматический прием, использованный в статье 110 УК РФ, является свидетельством в пользу концепции формальной конструкции состава доведения до самоубийства» [21, с. 16].

Отдельно стоит отметить наличие дополнительных признаков объективной стороны состава данного уголовного правонарушения. Но в действующих положениях ст. 110 УК РФ нет прямого указания на факультативные признаки к рассматриваемому преступлению, а значит и отсутствует классификация такого рода факторов.

2.2 Проблемы установления субъективной стороны доведения до самоубийства

Установление субъективной стороны состава преступления имеет очень большое значение при квалификации деяний конкретного лица, дает возможность оценить как преступника, так и степень тяжести преступления. Все, что указывается законодателем как признаки какого-либо элемента конкретного состава преступления, нужно устанавливать обязательно.

Отсутствие таких признаков свидетельствует либо о наличии в этом случае иного состава преступления, или об отсутствии какого-либо состава преступления. Касается это и признаков субъективной стороны доведения до самоубийства.

Анализ имеющихся источников обнаружил отсутствие единой точки зрения на субъективную сторону состава преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, в частности, с какой формы вины совершается преступление. И в теории, и в судебной практике имеются указания, что доведение о самоубийства может совершаться только умышленно (прямой, косвенный умысел), или только по неосторожности, или и умышленно или по неосторожности. Дело в том, что в настоящее время непосредственно в диспозиции статьи 110 УК РФ форма вины не раскрывается, что позволяет сделать вывод, что это общественно опасное деяние может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности.

Например, по мнению Ю.А. Уколовой, «указанное в ст. 110 УК РФ деяние следует характеризовать неосторожной формой вины в виде небрежности. Ученая отмечает, что в умышленном преступлении субъект относится к совершаемым действиям как раз-таки как к преступным. Субъект получает удовлетворение от процесса совершения данных действий и не желает трагических последствий» [78, с. 188].

В судебной практике находим пример совершения доведения до самоубийства с неосторожной формой вины. Так, Абинский районный суд Краснодарского края указал, что «обвиняемый не предвидел возможности самоубийства потерпевшей, но по обстоятельствам дела и, учитывая личность потерпевшей, должен и мог предвидеть, что его угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение потерпевшей приведут к покушению на самоубийство потерпевшей. Здесь речь идет о неосторожной форме вины, выраженной в небрежности. Суд в данном случае признал виновным Саркисяна М. Ж., в совершении преступления, предусмотренного, ст. 110 УК

РФ» [47]. Здесь речь идет о неосторожной форме вины, выраженной в небрежности.

Белоусов Н.В. и его коллеги считают, что «указанное в ст. 110 УК РФ деяние часто совершается с косвенным умыслом и реже – с прямым, исключая при этом неосторожность» [7, с. 18].

В судебной практике находим приговор, где суд оправдал Сисангулова, поскольку в суде «не представлено доказательств того, что подсудимый, нанося телесные повреждения потерпевшему, желал довести его до самоубийства (прямой умысел) или сознательно допускал это (косвенный умысел)» [51].

Аналогичное решение принял Шумерлинский районный суд, «прекратив уголовное дело в отношении Семенова в совершении преступления предусмотренного ст. 110 УК РФ по п. 2 ч.1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в деянии состава преступления, поскольку судом не установлено наличие у подсудимого прямого или косвенного умысла на доведение потерпевшей до самоубийства» [60].

Еще одна позиция по данному вопросу В.Ш. Аюпова заключается в том, что «доведение до самоубийства или покушения на него возможно только с прямым умыслом» [4, с. 14].

Так, Фролова, проживая в доме своей мамы в течение 2018 года, когда находилась в состоянии алкогольного опьянения совершала дома ссоры, во время которых унижительно относилась к матери оскорбляя ее честь и достоинство и лишала ее пищи.

3 августа 2018 года, придя домой в нетрезвом состоянии, устроила скандал с матерью, во время которого осуществляя психологическое давление побудила ее словесно к самоубийству («иди утопись»).

В этот же день примерно в 17 час. 30 мин. не выдержав постоянных издевательств и унижительного отношения к себе, мать вышла из своего хозяйства и подошла к реке, текущей рядом с жилым домом, с целью совершения самоубийства, к которому ее побудила дочь и бросилась в воду.

Однако попытка лишиться себя жизни была предотвращена местным жителем, который вытащил потерпевшую из реки и ей была оказана медицинская помощь [53]. Здесь наблюдаем прямой умысел.

В основном же, согласно правоприменительной практике, можно отметить, что доведение до самоубийства чаще всего совершается с косвенным умыслом, чем с прямым.

Анализ проведенной Е.В. Буряковской судебной-следственной практики, также показал, что «только в двух приговорах фактически установлен прямой умысел на доведение до самоубийства, в остальных случаях рассматриваемое преступление совершено, как с косвенным умыслом, так и по легкомыслию или небрежности. Автор отмечает, что каждый случай индивидуален, что не должно допускать «шаблонного» рассмотрения и соблюдения единообразия» [12, с. 97].

Не совсем согласны с данной точкой зрения Ю.А. Воронин и В.В. Лалац, которые отмечают, что если к рассматриваемому преступлению нет субъективных признаков, то необходимо применять ч. 2 ст. 24 УК РФ, согласно которому «в преступлениях, где законодатель прямо не указывает, что они могут совершаться только по неосторожности, допустима как умышленная, так и неосторожная форма вины. Таким образом, когда суды выносят решения, в которых указано, что доведение до самоубийства возможно только с умышленной формой вины, они выходят за рамки своих полномочий и по большому счету берут на себя функции законодателя» [18, с. 46].

При написании этой исследовательской работы автором было проведено несколько анализов российских и зарубежных научных источников, и логичным кажется позиция, согласно которой субъективная сторона преступления доведение до самоубийства – характеризуется наличием прямого или косвенного умысла, фактором неосторожности, в особенности при покушении в доведении до самоубийства. С другой стороны, важно обратить внимание и на факт того, что доведение до самоубийства допускается

и по неосторожности – что при неосторожности, что при прямом умысле будет установлена та же санкция.

Такое противоречие уголовного законодательства указывает на наличие нарушения принципов справедливости и дифференциации. Также стоит отметить, что для устранения данной проблемы необходимо предусмотреть в федеральном законодательстве ответственность за факт доведения до самоубийства при двух разных причинах – умышленно или по неосторожности. Если рассматривать состав преступления при неосторожности, то отсутствуют основания для отнесения этого правонарушения к категории угрозы жизни, поскольку мотив и цель совершения не направлены на причинение смерти. В такой ситуации логичнее предположить, что мотивов преступления являются нравственные аспекты, например, нарушение моральных принципов в обществе, преступление против человеческой личности, за счет жестокого обращения и унижения человеческого достоинства конкретного физического лица (в данном случае потерпевшего). Положения о доведении до самоубийства по неосторожности должны быть закреплены в Главе 25 УК РФ.

2.3 Отграничение доведения до самоубийства от смежных составов

Каждое преступление имеет ряд общих признаков с другими преступлениями. Трудности, возникающие при квалификации, объясняются этими обстоятельствами. Для того, чтобы знать, какие конкретные правила уголовно-правовой квалификации применять в каждом случае очень важно правильно установить характер соотношение между соответствующими составами преступлений и нормами, которые их предусматривают, а также соответствующие критерии, по которым можно определять характер соотношения между составами преступлений, содержащих общие, то есть тождественные по содержанию признаки [95]. Такие составы преступлений

могут соотноситься как смежные, или как, предусмотренные конкурирующими нормами.

Обратите внимание, что благодаря точному определению критериев состава преступления по нормам ст. 110 УК РФ, а также ряда смежных преступлений, можно провести точную систематизацию и анализ содержания признаков данного преступления – это позволит выполнить квалификацию, и эффективно решать дела в процессе расследования.

Представляет интерес существование двух правовых норм, предусматривающих ответственность за смерть потерпевшего – это «Убийство» (ст. 105 УК РФ) и «Доведение до самоубийства» (ст. 110 УК РФ), что ставит необходимым решить вопрос о соотношении этих норм между собой.

Достаточно распространено мнение З.Б. Соктоев, что «если лицо, совершившее доведение до самоубийства, имело прямой умысел по отношению к смерти потерпевшего, то ему стоит вменять уже не доведение до самоубийства, а убийство. Таким образом, решение вопроса о наличии убийства или другого преступления ставится в зависимость от содержания субъективной, а не объективной стороны совершенного. При этом никто не отрицает того факта, что для признания определенного события убийством необходимо установить причинную связь между деянием субъекта и смертью его жертвы, тем более, что понятие убийства дано теперь в самом уголовном законе (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и включает в себя прямое указание на причинную связь: причинение смерти. Причинная связь наряду с деянием и последствием практически безоговорочно относят к признакам объективной стороны преступления» [70, с. 13]. Причинная связь в доведении до самоубийства представляется прямой зависимостью наступления последствий от действий лица, которое посылает в адрес потенциального потерпевшего угрозы или имеет место жестокое обращение и т.д.

Нет сомнений в правоте тех авторов, к примеру Р.С. Алтаева, которые настаивают на том, что «отличие доведение до самоубийства от убийства,

прежде всего, следует искать в объективной стороне» [2, с. 140]. Специалистами по субъективной стороне, в частности С.В. Дубовиченко много написано о том, что «психическое отношение человека к совершенному ни при каких условиях не может изменять, исказить объективную сторону его поступка, субъективная сторона не имеет обратной силы в отношении объективной, как и в целом никакое субъективное отношение само по себе не может превратить действия с данной конфигурацией элементов на действия с другой конфигурацией» [23, с. 55]. В теоретическом плане эта позиция не подвергается сомнению. Но при практическом воплощении иногда от нее отступают. Типичный пример тому приводится Ю.А. Ворониным: «представление, что если доведение до самоубийства совершается с прямым умыслом, то это уже совсем не доведение до самоубийства, а умышленное убийство. При наличии объективно тех же действий, но совершаемых с косвенным умыслом, все-таки такое деяние является доведением до самоубийства. Но деяние, причиняющее смерть (при наличии других признаков состава) – это всегда убийство. Событие, признанное убийством в случае прямого умысла, остается убийством и при умысле косвенном, а также по неосторожности» [17, с. 46].

По мнению Н.Г. Чукаевой, «поведение, которое на первый взгляд напоминает доведение до самоубийства, может на самом деле оказаться убийством только при условии, что оно причиняет не самоубийство, а именно смерть. Это возможно, когда воля потерпевшего, который, казалось бы, убивает себя собственными руками, на самом деле не участвует в этом процессе. Или воля насильно парализована (например, воздействием психотропных факторов), или отсутствует по причинам иного психологического характера (психически больной, малолетний), либо не проявляется в акте самоумерщвления в силу того, что человек был искусно обманут. Кроме того, потерпевший может быть поставлен в ситуацию, называемой ситуацией рокового выбора, где третьего не дано» [84, с.88].

По мнению Ю.А. Уколовой: «такие случаи, например, имеют место, когда, угрожая убийством, человека заставляют выстрелить в себя, выпить яд, выброситься с высоты и т.п. В качестве примера приводится следующий: виновный ставит потерпевшего на парапет крыши высотного дома, обливает его бензином и держит наготове зажжённую спичку, однако предлагает потерпевшему самостоятельно спрыгнуть с крыши, в противном случае угрожает реализовать свои намерения» [78, с. 114].

Судебная же практика расценивает такие действия как убийство. Например, по материалам уголовного дела «Ш. и К. в целях проучить за жестокое обращение с женой (родственницей Ш.) пришли в дом к П. и начали его избивать. П., признав себя неправым по отношению к супруге и утверждая, что он после всех своих действий не достоин жизни, попросил повеситься. С данной целью Ш. и К. связали руки П. и втроем отправились на берег реки. Выбрав подходящее дерево, П. перекинул веревку через ветку, надел петлю на шею и, подогнув колени, повесился. Ш. и К. сняли П. с дерева и затем закопали. Обвиняемые настаивали на вменении им статьи 110 УК РФ, поясняя данное тем, что не имели умысла на убийство П., да и совсем не знали, что станут с ним делать, когда заходили в дом. В то же время суд расценил содеянное как убийство» [34].

Интересной является такая позиция: «Без личного волеизъявления не существует факта самоубийства, и смерть наступает из-за поведения преступника, который и является убийцей». Если действия физического лица были направлены на причинение самому себе насильственных действий, приводящих к смерти, то это проявление его личной воли, хоть и спровоцированного, но личного выбор – то есть рассматривается факт самоубийства. А лицо, которое склонило к самоубийству своими действиями, несет ответственность лишь за доведение до самоубийства.

По мнению Н.Н. Ярмыш, «желание смерти другому лицу при таких обстоятельствах все равно остается стремлением добиться самоубийства потерпевшего, то есть того, чтобы он совершил действия, направленные на

причинение себе смерти. Желание смерти – это еще не причинение ее. В этом случае смерть причиняет себе потерпевший. Желал ли при этом преступник смерти своей жертвы, предполагал ли ее или относился к ней неосторожно, он все равно не лишал другого жизни. Поэтому речи об ответственности за убийство быть не может. Таким образом, убийство и доведение до самоубийства (в том числе и с прямым умыслом) отличаются именно по объективной стороне, конкретно – по результатам. При убийстве последствием деяния является смерть потерпевшего, при доведении до самоубийства – его самоубийство» [90, с. 116].

Таким образом, согласно мнению А.В. Стрункиной «при доведении до самоубийства, в отличие от убийства, потерпевший под влиянием угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего со стороны виновного сам принимает решение о лишении себя жизни и умышленно собственноручно реализует его, обладая при этом сознанием и волей. Способ лишение жизни, который выбирает потерпевший, может быть любым и на квалификацию не влияет, то есть нельзя говорить о наличии состава убийства, если отсутствует хотя бы один и его структурных элементов. Убийства не может быть там, где нет противоправного, непосредственного причинения смерти одним лицом другому» [73, с. 162].

В этом контексте представляет интерес отграничения опосредованного убийства от доведения до самоубийства по такому признаку, как психическое состояние потерпевшего во время причинения себе смерти, что в современной научной литературе представлено достаточно размыто. Е.Г. Быкова и С.А. Яшков утверждают, что доведение до самоубийства лица, которое вследствие своего душевного состояния не могло в определенной степени оценивать свои действия, следует расценивать как опосредованное убийство. Потерпевшим от такого преступления может быть только совершеннолетнее лицо, которое осознает значение собственного поведения и имеет возможность управлять им [12, с. 137].

Данное утверждение корреспондируется с последующим определением опосредованного убийства как одного из видов убийства. Умышленным опосредованным убийством признается использование для причинения смерти потерпевшему сил природы или причинение потерпевшему душевной (психической) травмы, вследствие которой он лишает себя жизни [21, с. 51]. В данном определении особый интерес вызывает утверждение о причинении потерпевшему душевной травмы, в результате которой он лишает себя жизни. Эти утверждения как бы существуют сами по себе. Ученые не соотносят их между собой, выдвигая их в качестве двух независимых друг от друга аксиом. Однако считаем, что соотношение между ними существует. Именно в нем, то есть в состоянии потерпевшего, при котором он причиняет себе смерть, и заключается один из основных признаков, согласно которому возможно осуществить отграничения опосредованного убийства от доведения до самоубийства.

Обратимся детальнее к определению опосредованного убийства. В частности, к такому его элементу, как «причинение потерпевшему душевной травмы, в результате которой он причиняет себе смерть». Термин «душевная травма» употребляется как синоним травмы психической, т.е. нервного потрясения, психического расстройства – медицинского критерия невменяемости, охватывающего все формы психической патологии (отдельные психические заболевания, варианты этих психических заболеваний и психопатологические синдромы) [32, с. 182]. Вред, причиняемый психическому здоровью человека, заключается в причинении потерпевшему душевной болезни, что признается тяжким вредом здоровью.

И.А. Шаматульский под душевной болезнью понимает «психическое заболевание (психическую болезнь), проявляющуюся в нарушении нормальной психической деятельности, которое существенно влияет на способность лица правильно воспринимать окружающую действительность и контролировать свое поведение. Оно выражается в расстройстве восприятия,

мышления, памяти, эмоций, внимания, воли, влечений и поведения» [85, с. 88].

Среди болезней, которые предусмотрены Международной классификацией болезней (МКБ-10), существуют определенные психические расстройства, значительно затрудняющие потерпевшему принятие решения именно о лишении себя жизни. Эти расстройства наиболее полно иллюстрируют отсутствие у потерпевшего возможности беспристрастно и сознательно принимать решения относительно собственного самоубийства. Такими психическими расстройствами, в частности, являются депрессивные синдромы и суицидомания.

Депрессивные синдромы характеризуются тем, что больные жалуются на слабость, лень, вялость, подавленность. Они не верят в собственные силы, легко сомневаются в верности собственных поступков, сложно принимают решения. В таком состоянии у больных может наблюдаться слезливость, раздражительность, обидчивость. В состоянии гипотимических депрессии очень часто совершаются попытки суицида. Также желание лишить себя жизни может возникать в состоянии импульсивного влечения – так называемая суицидомания [82, с. 22].

Суицидомания – навязчивое влечение, устойчивое стремление к совершению самоубийства. Самоубийство в свою очередь – это сознательный волевой акт, в результате которого человек лишает себя жизни. Т.е. самоубийство является сознательным актом человека, когда его свобода не подавлена ни частично, ни полностью. В случаях описанных выше психических расстройств, вследствие которых человек может лишить себя жизни, невозможно утверждать, что потерпевший принимает решение лишить себя жизни полностью сознательно. Его воля находится под влиянием болезненных суицидальных идей и намерений. Из этого утверждения прямо вытекает следующее: если субъект преступления сознательно вызвал у потерпевшего такое болезненное состояние психики или воспользовался уже существующим психическим расстройством потерпевшего и это повлекло за

собой самоубийство, то такие действия виновного следует расценивать как опосредованное убийство. Для признания в действиях виновного признаков доведения до самоубийства необходимо установить, что потерпевший, принимая решение лишить себя жизни не находился в таком психическом состоянии, которое затрудняло для него объективную оценку совершаемых им действий [19].

В случае неудачного покушения на самоубийство установить наличие у потерпевшего такого состояния не вызывает сложностей с помощью судебно-психиатрической или судебно-психологической экспертизы. В случае же самоубийства потерпевшего установление такого состояния происходит посредством проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы (СПЭ). Предметом посмертной СПЭ является оценка психического состояния лица, его способности осознавать значение своих действий и руководить ими в период юридически значимого действия, которое произошло в прошлом. Объектом посмертной СПЭ являются исключительно материалы дела и медицинская документация [13, с. 48].

На сегодняшний день уголовное законодательство Российской Федерации имеет некоторые неточные формулировки. Однако по достоинству стоит отметить наличие ряда статей с указанием на уголовную ответственность за жестокое обращение, в том числе и при причинении физического вреда, приводящего к смерти потерпевшего. Смежным составом преступления в отношении положений ст.110 УК РФ выступают нормы, характеризующие факт истязания по ст.117 УК РФ.

С объективной стороны истязание может быть направлено не только на потерпевшего, но также быть и способом незаконного влияния на третьих лиц в форме запугивания, принуждения.

Е.В. Батышева под истязанием понимает «систематическое, то есть постоянно повторяющееся нанесение побоев или причинение телесных повреждений, связанных в силу их систематичности со значительным физическими и психическими страданиями» [6, с. 68].

Все это позволяет всерьез говорить о том, что истязание является некой особой формой жестокого обращения с потерпевшим лицом. Практический опыт говорит о том, что такое травмирующее психику обращение часто приводит к суициду потерпевшего лица. К примеру, в Купинском районе Новосибирской области суд вынес приговор о лишении свободы матери и отца 10-летнего мальчика, повесившегося из-за страха постоянного унижения. Так 32-летняя гражданка К. и 47-летний гражданин С. были признаны судом виновными по статьям Уголовного кодекса РФ «Доведение до самоубийства» и «Истязание». В суде было установлено, что «родители воспитывали двух сыновей десяти и полутора лет. Подсудимые систематически избивали старшего мальчика и выражались в его адрес оскорбительными и нецензурными словами, заставляли выполнять работу, часто непосильную для ребенка. За малейшую провинность старшего сына избивали. Чтобы избежать физического наказания или унижения, мальчик постоянно пытался угодить родителям и скрывал от окружающих свои отношения с ними. Как установили эксперты, вследствие длительной психотравмирующей ситуации, созданной родителями, а также постоянного страха перед ними, у 10-летнего ребенка возникло осознанное желание уйти из жизни. Однажды на улице мальчик уронил чужой мопед, и хозяин сказал, что родители должны будут возместить ущерб. Зная, что за этим последует суровое наказание от родителей, ребенок 19 октября 2009 года покончил жизнь самоубийством. Районный суд признал мать и отца ребенка виновными и приговорил женщину к четырем годам лишения свободы, а мужчину к пяти с половиной годам в исправительной колонии общего режима» [74].

Поскольку посмертное установление наличия у потерпевшего психических расстройств в интересующий органы следствия и суд период возможно, то стоит говорить о том, что состояние потерпевшего, в котором он причиняет себе смерть – важное обстоятельство для квалификации и отграничения опосредованного убийства от доведения до самоубийства. Предлагаем считать причинение потерпевшим себе смерти в состоянии

душевной травмы признаком опосредованного убийства. Самоубийство же потерпевшего, когда он по своему состоянию психики имел возможность в полной мере осознавать и осознавал характер своих действий, считать доведением до самоубийства. Важным признаком для проведения такого отграничения следует считать осознание субъектом преступления состояния потерпевшего. То есть использование им существующего патологического состояния психики потерпевшего или сознательное провоцирование такого состояния.

На основании этого предлагаем рассматривать психическое состояние потерпевшего как один из главных признаков, по которым следует проводить отграничение убийства от доведения до самоубийства.

Таким образом, в настоящее время в уголовном законодательстве России есть ряд статей, предусматривающих уголовную ответственность за жестокое обращение. Таким смежным составом преступления для статьи 110 УК РФ является истязание, предусмотренное статьей 117 УК РФ, если истязательства потерпевшего приводят к его самоубийству или покушения на самоубийство, деяние необходимо квалифицировать по статье 110 УК РФ по совокупности со статьей 117 УК РФ.

Глава 3 Тенденции развития института уголовной ответственности за доведение до самоубийства и иное содействие его совершению в современном российском законодательстве

3.1 Квалифицирующие признаки доведения до самоубийства

В науке уголовного права составы преступлений традиционно разделяют на основные (простые), состав с обстоятельствами, смягчающими ответственность (так называемые привилегированные составы), и состав с обстоятельствами, ужесточающие ответственность (так называемые составы с квалифицирующими признаками). Составы с квалифицирующими признаками, как правило, сформулированные в частях вторых соответствующих статей Особенной части УК РФ и начинаются словами: «то же деяние, совершенное...». Разновидностью квалифицированного состава является особенно квалифицированный состав. Это состав с так называемыми особо отягчающими обстоятельствами (особенно квалифицирующими признаками), которые предусматриваются в соответствующих частях статей после частей вторых этих статей.

Даже при отсутствии квалифицирующего признака противоправное деяние остается преступлением. При этом оно должно будет квалифицироваться по такой части Особенной части соответствующей уголовной статьи, которая предусматривает наступление уголовной ответственности за совершение основного состава противоправного деяния. Зачастую речь идет о первой части. Следовательно, и без квалифицирующих признаков совершенное деяние может содержать признаки состава преступления.

Преступления можно отличить друг от друга и от прочих видов правонарушений благодаря признакам, определяющим основной состав преступления. Также с помощью квалифицирующих признаков можно установить ряд определенных различий, существующих между

преступлениями. Факт наличия ряда существенных отличий между отдельными квалифицирующими признаками никак не влияет на то, что все они имеют прямую связь с основным составом противоправного деяния. Это обусловлено тем, что лишь вместе они могут сформировать квалифицирующий состав преступления.

Важно понимать, что реализация квалификации содеянного противоправного деяния будет невозможной согласно соответствующей части уголовной статьи, где описаны все квалифицирующие признаки, без определения комплекса признаков, касающихся основного состава такого преступления. Как и признаки основного состава преступления, квалифицирующие признаки также влияют на квалификацию содеянного. Правда, они лишь трансформируют уголовную, юридическую оценку для противоправного деяния, ведя к усилению уголовной ответственности. В том случае, если лицо, совершившее преступление, имеющее ряд квалифицирующих признаков, то процесс квалификации будет реализовываться согласно другой части такой статьи. В итоге это приведет к изменению санкции.

Как у основного, так и у квалифицированного состава преступного проступка есть набор признаков, характерных для аналогичного посягательства. Правда, квалифицированный состав формирует куда более опасную ее форму. Таким образом, комплекс квалифицирующих признаков будет выступать в качестве основания для практического использования иного, более серьезного уголовного наказания в сравнении с тем, что описано в санкции части уголовной статьи, где представлен основной состав преступного деяния.

С развитием уголовно-правовой науки наблюдается тенденция к более широкому использованию законодателем квалифицирующих признаков для дифференциации уголовной ответственности и наказания. Не является исключением и норма статьи 110 УК РФ, которая до 2017 года включала только одну норму, которая сейчас является основным составом доведения до

самоубийства, т.е. заключена в части первой этой статьи. В связи с устойчивой тенденция суицидального поведения населения России, в том числе и среди несовершеннолетних лиц Федеральный закон от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ, статья 110 УК РФ была дополнена статьей второй, которая включает несколько квалифицирующих признаков, требующих четкого понимания и правильной квалификации в правоприменительной деятельности.

В соответствии с ч. 2 ст. 110 УК РФ квалифицирующими признаками доведение до самоубийства определены нижеследующие.

Доведение до самоубийства несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Конечно, совершение данного деяния в отношении несовершеннолетнего лица несет повышенную общественную опасность. И совершение такого деяния в отношении несовершеннолетнего родителями или лицами, их заменяющими еще более опасным.

К примеру, супруги Антоновы в течение длительного не выполняли своих родительских обязанностей по воспитанию и развитию ребенка, при этом вели аморальный образ жизни, систематически злоупотребляли спиртными напитками, а супруга еще и длительное время не работала. В семье между супругами согласия не было, были частые ссоры на почве употребления ими алкогольных напитков, сын рос не ухоженный, родители мало уделяли ему внимания. Несовершеннолетний Илья часто пропускал обучение в школе в связи с ведением личного хозяйства, за которым ухаживал сам, без помощи родителей.

Были случаи, когда отец, находясь в нетрезвом состоянии, грубо и некорректно относился к сыну, унижая его честь и достоинство, в связи с чем сын неоднократно покидал помещение и вынужден был ночевать у соседей, а родители, в свою очередь, выносили из хозяйства живность, за которой ухаживал сын, и меняли на спиртные напитки. Все эти действия родителей

унижали достоинство сына, в связи с этим он их стеснялся, хотел покинуть место жительства и уехать, о чем высказывался своим сверстникам.

26 июля 2018 года несовершеннолетний Илья вместе с матерью работали по хозяйству, сажали овощи, а отец утром отсутствовал дома, и появился в 10 часов в нетрезвом состоянии, после чего ушли с матерью ушли из дома и вернулись. Несовершеннолетний Илья, поняв, что родители снова пошли употреблять спиртные напитки, а когда возвратятся, будут снова унижать или избивать его, не выдержав таких условий проживания и отношение к нему со стороны родителей, написал предсмертную записку с текстом: «Я больше так не могу жить!» и покончил жизнь самоубийством путем повешения [52].

В части 1, статьи 110 УК РФ, описаны все способы доведения несовершеннолетнего лица до суицида.

Пребывание потерпевшего в беспомощном состоянии является отягощающим обстоятельством так, как потерпевшее лицо не могло никак защититься от физического воздействия, побоев, унижения.

Беспомощное состояние – это обусловленная объективными и субъективными факторами неспособность потерпевшего лица в полной мере (или вообще) осознавать характер и значение совершаемых против него действий, сопротивляться или избежать посягательства, в то время как виновный должен был осознавать, что потерпевший находится в таком состоянии.

Беспомощное состояние во многих источниках рассматривается как специфическое «физическое» или «психологическое» состояние потерпевшего, которое может быть обусловлено рядом факторов, в частности:

- малолетний возраст,
- физические недостатки,
- расстройство душевной деятельности,
- болезненное состояние,
- обморочное состояние,

- состояние сильного алкогольного опьянения,
- состояние сильного наркотического опьянения,
- гипноз,
- недееспособность,
- преклонный возраст [75, с. 10].

Вместе с тем, необходимо учитывать, что понятие беспомощного состояния включает в себя не только состояние потерпевшего или его отдельные личностные качества, но и, обязательно, виновное лицо и характер связей между потерпевшим (который находится в беспомощном состоянии) и преступником (который пользуется этим беспомощным состоянием потерпевшего). Иными словами, о беспомощном состоянии корректно говорить в тех случаях, когда преступник осознает его со стороны потерпевшего и пользуется этим состоянием для совершения преступления.

Определение понятия беспомощного состояния, как правило, в уголовном законодательстве не подается, оно разрабатывается в рамках судебной практики и теории уголовного права одновременно указанием на совершение преступления в отношении лиц, находящихся в беспомощном состоянии. В научной литературе беспомощное состояние ученые рассматривают через призму трех критериев:

- юридического (факт совершения против потерпевшего преступления);
- психологического (полное или существенно ограниченное отсутствие у пострадавшего способности осознавать совершаемые с ним действия и сопротивляться им);
- медицинского (болезненные расстройства психической деятельности и др. Болезненные состояния, которые существенно ограничивают или полностью лишают человека способности к физическим действиям [14, с. 167].

Потерпевшее лицо, которое имело определенную зависимость от обвиняемого, также не имеет возможности самостоятельно избежать

описанных выше действий обидчика. В судебной практике зависимость трактуется как «социальная связь между обвиняемым и потерпевшим, при которой реализация существенных интересов последнего обусловлена поведением первого либо реализация существенных интересов каждого обусловлена обоюдным поведением...» [9, с. 85].

Следует заметить: наличие существующих признаков, на основании которых характеризуется состояние беспомощности у потерпевшего, можно использовать, в частности, в ситуациях с доведением потерпевшего к суицидальному решению.

Доведенный до суицида потерпевший, имеющий материальную зависимость от какого-то лица, как иждивенец, это человек, для которого финансовая зависимость или помощь в какой-то момент времени стала причиной самоубийства. Главное здесь, что «виновный осознает факт этой зависимости и использует ее для доведения, зависимо до самоубийства» [69, с. 517].

Рассмотрим квалифицированные признаки самоубийства.

Во-первых, доведение до самоубийства женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности (по п. «б» ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Установление правовой оценки действий, позволяющей квалифицировать содеянное как доведение беременной потерпевшей до самоубийства, очень важно, чтобы обвиняемый знал и осознавал факт наличия беременности.

В данном случае срок беременности потерпевшей никак не будет влиять на квалификацию преступления. Правда, при квалификации преступления на основании этого признака могут быть некоторые варианты. К примеру, обвиняемый знал о факте беременности жертвы и довел ее до суицида или же он не знал об этом, но сделал так, что потерпевшая решила совершить самоубийство, будучи беременной.

Приведем пример из судебной практики. Так, Томский гарнизонный военный суд признал сержанта запаса Максима Рыбникова виновным в истязании беременной женщины и доведении ее до самоубийства (п. «в» ч. 2 ст. 117 и п. «б» ч. 2 ст. 110 УК РФ). По данным следствия, в 2014 году осужденный познакомился с девушкой и уже в декабре 2015 они зарегистрировали брак. При этом, с июля между супругами начали возникать конфликты, мужчина стал избивать женщину. Это продолжилось и когда пострадавшая забеременела. В августе 2016 года, не выдержав безысходности ситуации, женщина совершила суицид во время отдыха под Евпаторией [56].

Во-вторых, доведение до самоубийства двух или более лиц (п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Для того, чтоб вменить обвиняемому такой признак потребуется наличие такого обязательного условия как то, что у обвиняемого лица был изначально умысел в доведении до суицида минимум двух людей. При этом обвиняемый должен был совершать действия, прописаны в части 1, статьи 110 УК РФ.

В-третьих, доведение до самоубийства группой лиц по предварительному сговору или организованной группой («г» ч. 2 ст. 110 УК РФ).

Специфика указанного признака состоит в том, что для оценки доведения до самоубийства как совершенного группой лиц по предварительному сговору необходимо, чтобы как минимум между двумя субъектами уголовной ответственности состоялась предварительная договоренность на доведение конкретного лица до самоубийства до начала применения угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства последнего.

Установление правовой оценки противоправного деяния, когда группа лиц доводит потерпевшего до суицида, должно основываться на таком факте: устойчивая группа лиц решила объединить усилия в течении некоторого возможно длительного времени, чтобы довести до суицида конкретную

личность, т.е. совершить преступление. Как правило (и это подтверждается практикой), в такой группировке наблюдается строгая иерархия, каждый член сообщества имеет свою роль и место.

И наконец, в-четвертых, доведение до самоубийства в публичном выступлении, публично демонстрирующийся в произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет») (п. «д» ч. 2 ст. 110 УК РФ).

В результате деятельности, ставившей своей целью найти основания установления преступного деяния (процесс криминализации), должен иметь место квалифицирующий признак противоправных действий как массовость в средствах массовой информации, в большей части это относится к интернет-изданиям.

Обязательным свойством указанного отягчающего обстоятельства является то, что содержание угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего носит публичный характер и становится доступным для восприятия неопределенным кругом посторонних лиц [44, с. 10].

За последнее время совершается немало самоубийств, особенно среди подростков, а причиной этого является популярная онлайн игра, которая называется «Синий кит», или «Тихий дом», «Море китов», «Разбуди меня в 4:20». У смертельной игры много названий, но результат всегда один – самоубийство и поломанные горем родители, которые не понимают, что заставило их ребенка свести счеты с жизнью. Первые упоминания об игре появились в Сети в 2016 году. Тогда эта волна прокатилась по всей Российской Федерации. Об игре писали издания, осуществляли собственные расследования, в результате широко растиражированная СМИ и стала причиной моральной паники среди населения России. Основной принцип – подросток якобы пишет на своей странице в социальных сетях пару сообщений (хештегов) # синий кит, # тихий дом, # явигре, # разбуди меня в 4:20, после чего с ним связывается куратор. Некоторые группы, именуемые

себя сообществами «Группа смерти», организованные на базе социальных сетей, в частности, «ВКонтакте» рассчитаны на подростковую аудиторию. В данных сообществах администраторами выдаются задания членам группы по нанесению себе травм. Это могут быть задания нанесения на свои руки порезов чем-то острым, причем, необходимо вести съемку при этом. Итоговая цель подобных «игр» - довести подростка до суицида, которое также должно быть зафиксировано видеозаписью.

Обычно они объединены общей символикой – это киты. Этот символ выбран неслучайно, ведь киты – одни из немногих видов млекопитающих, могут свести счеты с жизнью, самовольно выбрасываясь на берег.

Однако просто порезами на руках не обходится. Далее у подростков появились новые защиты. Теперь «квестом» является «Беги или умри». Ребенок перебежать дорогу до самого приближения автомобиля. Это вызывает вопрос – почему они выполняют все, что предписывают им администраторы групп смерти. Может потому, что администраторы смертельных групп входят в доверие подростков и обеспечивают их мнимую поддержку и понимание. Особенно на подростков влияет время, в которое создатели групп начинают общаться со своими жертвами – около 4:00. Такой ранний час перед рассветом и практическое отсутствие сна у подростка иногда смешивает сон и реальность, а действия ощущаются нереальными. Именно тогда администраторы групп и находят момент, чтобы сообщить: «Все, что происходит – сон. Выйди на крышу, шагни с нее – и проснись». И это только одна из схем. Вторая – это угрозы в адрес близких ребенка. По сообщениям одного из участников группы, у которого возникло желание закончить игру, администратор ему прислал ссылку, в котором был указан адрес места проживания и много угроз, это морально давит на ребенка, и он вынужден доиграть «игру» до конца [35, с. 137].

В судебной практике можно найти приговоры, где доведением лица до самоубийства путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства были признаны действия лица –

куратора в социальной сети – который побуждал несовершеннолетних к самоубийству в так называемых «группах смерти», давая участникам таких групп травматические «задания» – например, сознательно порезать себе руки лезвием, отсняв все это на видео. Конечной целью «игры» является доведение до самоубийства, которое также должно быть зафиксировано на камеру.

Еще один пример. Тобольский районный суд вынес приговор известному администратору «групп смерти» в социальных сетях Филиппу Будейкину, известном как Филипп Лис. Суд признал 22-летнего Будейкина виновным в двух случаях доведение до самоубийства. Первый случай касался 16-летней девушки из Астрахани – ее удалось спасти благодаря вмешательству сотрудников ФСБ. Второй случай касался 17-летней жительницы поселка в Тобольского района. Будейкин приказал ей снять на видео расправу над животным, а когда девушка отказалась это сделать, он предложил ей покончить с собой. Девушке удалось выжить благодаря оперативному звонку мамы в скорую помощь.

Суд приговорил Будейкина к трем годам и четырем месяцам колонии-поселения [55]. Будейкин стал первым в России осужденным по этой части статьи 110.

Таким образом, законодатель учел рекомендации многих российских исследователей и ученые, которые придерживались позиции, что ряд способов доведения до самоубийства законодателю необходимо расширить, так как их исчерпывающий перечень, предусмотренный ст. 110 УК РФ, не полностью охватывал все возможные варианты доведения до суицида, тем самым осложняя проблему квалификации подобных действий в судебной практике. Кроме того, был учтен опыт стран Европейского Союза, где уголовно наказуемым деянием считаются не только доведение до самоубийства, но и подстрекательство и пособничество в самоубийстве, о чем рассмотрим далее.

3.2 Склонение к совершению самоубийства, содействие совершению самоубийства и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства

Преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ (склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства) и ст. 110.2 УК РФ (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства), являются новеллами уголовного законодательства и введены в Уголовный кодекс в 2017 году федеральным законом от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ. Преступления указанной группы вызывают теоретический и практический интерес общества и юристов. Изложенные позиции и выводы исследователей в уголовно-правовой науке о расширении перечня способов доведения до самоубийства оказались верны и это действительно подтвердилось введением новелл в УК РФ в 2017 году [8].

Ввиду популярности распространения суицидального контента в интернете и большой опасности склоняющей к суициду информации для подростков и детей, также статистических данных по количеству самоубийств среди молодежи, введение новелл в Уголовный Кодекс в 2017 году было просто необходимо.

Проанализируем состав преступления, предусмотренный ст. 110.1 УК РФ.

Часть 1 ст. 110.1 УК РФ содержит норму об уголовной ответственности за склонение к совершению самоубийства путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом. В соответствии с диспозицией закона наказуем сам факт склонения к самоубийству. Данное преступление признается оконченным с момента склонения, независимо от фактически наступивших последствий в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего в результате деяния виновного лица [45].

Перечень способов склонения к самоубийству является открытым. Способ совершения данного преступления не является определяющим,

главное – это то, что виновный тем или иным образом целенаправленно вызывал у потерпевшего решимость совершить самоубийство. Однако необходимо учитывать, что деяние не может быть квалифицировано как склонение к самоубийству, если самоубийство совершено под воздействием угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Если до самоубийства или покушения на самоубийство потерпевший был доведен путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства, то виновному необходимо инкриминировать состав преступления, предусмотренный ст. 110, а не ст. 110.1 УК РФ [83, с. 123].

Соучастие в склонении к самоубийству возможно. Виновный может выступать в роли организатора, подстрекателя, пособника или соисполнителя преступления.

Представляется, что субъективная сторона склонения к самоубийству характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит, что в результате его деяния виновный совершит самоубийство, и желает самоубийства потерпевшего [45].

В части 2 ст. 110.1 УК РФ устанавливается ответственность за содействие в совершении самоубийства. Данное преступление признается оконченным с момента совершения действий, указанных в законе.

Содействие в самоубийстве выражается в оказании интеллектуальной или физической помощи потерпевшему в лишении себя жизни. Эта помощь может заключаться в советах, указаниях, предоставлении информации, средств или орудий совершения самоубийства, устранении препятствий к его совершению или в обещании скрыть средства или орудия совершения самоубийства [29, с. 92].

В отличие от склонения к самоубийству содействие в совершении самоубийства возможно лишь способом, исчерпывающий перечень которых приведен в ч. 2 ст. 110.1 УК РФ.

При квалификации деяния виновного лица по ч. 2 ст. 110.1 УК РФ не имеет значения мотив, т. е. причина самоубийства потерпевшего. Однако если виновный, привлекаемый к ответственности за содействие в совершении самоубийства, сам склонил потерпевшего к самоубийству или довел его до самоубийства, то содеянное им надлежит квалифицировать по совокупности составов преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, а также ч. 1 ст. 110.1 или ч. 1 ст. 110 УК РФ (при отсутствии отягчающих обстоятельств) соответственно [83, с. 125].

Содействие в самоубийстве не может быть признано соучастием в самоубийстве в форме пособничества, потому что самоубийство преступлением не признается. Возможно соучастие в содействии в самоубийстве.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, характеризуется прямым умыслом. Виновный осознает общественно опасный характер своего деяния, предвидит, что в результате его деяния произойдет самоубийство потерпевшего, и желает оказать потерпевшему помощь в самоубийстве.

Пункты «а», «б», «в», «г», «д» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ аналогичны соответствующим пунктам ч. 2 ст. 110 УК РФ.

В части 4 ст. 110.1 УК РФ предусматривается повышенная ответственность за склонение к самоубийству или за содействие самоубийству, если эти действия привели к самоубийству потерпевшего или к его действиям, непосредственно направленным на самоубийство.

В части 5 ст. 110.1 УК РФ устанавливается ответственность за склонение к самоубийству или за содействие самоубийству, повлекшие самоубийство или покушение на самоубийство несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, либо женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, а в ч. 6 ст. 110.1 УК РФ – если эти действия повлекли самоубийство двух или более лиц.

Проанализируем состав преступления, предусмотренный ст. 110.2 УК РФ.

В части 1 ст. 110.2 УК РФ устанавливается ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

Деятельность – это активная форма преобразования действительности, направленная на решение какой-либо задачи. Организация деятельности означает упорядочение, структурирование этой деятельности. Побуждение к совершению самоубийства это не что иное, как склонение лица к совершению самоубийства [69, с. 510].

Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, осуществляется двумя путями: во-первых, путем распространения информации о способах совершения самоубийства, во-вторых, путем призывов к совершению самоубийства.

Распространение информации о способах совершения самоубийства – это действия, направленные на получение данной информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц. Под призывами к совершению самоубийства следует понимать выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к совершению самоубийства [45].

Иные способы совершения данного преступления законом не предусмотрены.

Из диспозиции закона следует, что деятельность по организации самоубийства имеет целью побуждение к совершению самоубийства. Это означает, что субъективная сторона данного преступления характеризуется прямым умыслом.

Виновный осознает общественно опасный характер своих действий, предвидит, что он своими действиями побуждает граждан к совершению самоубийства, и желает этого. Мотивы организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, могут быть любые.

Субъект преступления общий, т. е. физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

В части 2 ст. 110.2 УК РФ предусматривается повышенная ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, если деяние сопряжено с публичным выступлением, использованием публично демонстрирующего произведения, средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»).

Статья 110.2 УК РФ имеет примечание, в соответствии с которым лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, может быть освобождено от уголовной ответственности.

Для этого должны быть соблюдены следующие условия:

- лицо добровольно прекратило свою преступную деятельность;
- активно способствовало раскрытию и (или) пресечению преступлений, предусмотренных ст.ст. 110, 110.1 УК РФ или настоящей статьей;
- в его действиях не содержится иного состава преступления.

В примечании речь идет не о добровольном отказе от совершения преступления, а о деятельном раскаянии, поскольку преступление уже совершено. По каким-либо мотивам, характер которых не имеет уголовно-правового значения, лицо добровольно прекращает свою преступную деятельность. При этом оно активно способствует осуществлению правосудия. Если в деянии лица имеются признаки какого-либо иного состава преступления, то при соблюдении первых двух условий оно освобождается от ответственности за преступления, предусмотренные ст.ст. 110, 110.1, 110.2 УК, но подлежит уголовной ответственности за иное преступление [45].

Конструируя специальный случай освобождения от уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 110.2 УК РФ, законодатель вопреки логике предусмотрел в числе условий такого освобождения активное содействие раскрытию и (или) пресечению

преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 УК РФ. Как пишет по этому поводу Н.А. Егорова, такая ситуация возможна в случае совершения виновным помимо преступления, предусмотренного ст. 110.2 УК РФ, ещё и одного из преступлений, предусмотренных ст. 110.1 или ст. 110 УК РФ [26, с. 12].

Заметим также, что за совершение преступлений, предусмотренных ст.ст. 110 и 110.1 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности не предусмотрено.

В свете установления в уголовном законе ответственности за склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении (ст. 110.1 УК РФ), а также за организацию деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), возникла необходимость в отграничении указанных общественно опасных деяний от доведения до самоубийства.

Склонение к совершению самоубийства, по сути, является специальной разновидностью подстрекательской деятельности. В соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ подстрекатель – это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

Следует иметь в виду, что сам термин «склонение» в ст. 110.1 уголовного закона не раскрывается. Законодатель, как и в случае доведения до самоубийства, для его описания использует метод простого перечисления его возможных способов. Таким образом, разграничение доведения до самоубийства и склонения к самоубийству возможно только по способу совершения этих преступлений [9, с. 85]. При доведении – это угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства, а при склонении к самоубийству – уговоры, предложения, подкуп, обман или иные способы, не подпадающие под признаки доведения до самоубийства.

Следует также иметь в виду, что доведение до самоубийства путем унижения человеческого достоинства предполагает систематичность такого

деяния, а склонение к совершению самоубийства может быть и однократным или повторным.

В свою очередь, содействие совершению самоубийства является специальной разновидностью действий пособника (согласно ч. 5 ст. 33 УК РФ пособник – это лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий и т. д.).

Сравнительный анализ доведения до самоубийства и содействия его совершению, также, как и выше, показывает, что их разграничение следует проводить по характеру способа совершаемого деяния – в ч. 2 ст. 110.1 они могут носить только ненасильственный характер [9, с. 86].

Не вызывает затруднений и отграничение доведения до самоубийства от организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). В данном случае разграничительным признаком также является ненасильственный способ совершения последнего преступления путем распространения информации о способах совершения самоубийства или призывов к совершению самоубийства.

Обращаясь к судебной практике, можно увидеть, что за три года, как введены нормы ст. 110.1 и 110.2 в состав УК РФ, они практически не применяются, чаще же всего по ст. 110.1 УК РФ привлекают за склонение к совершению самоубийства, используя сеть Интернет.

В заключение приведем пример из судебной практики. Так, Потапов был осужден по п.п. «а», «в», «д» ч.3 ст.110.1 УК РФ за то, что, реально полагая, что являясь куратором проведения игры «Синий кит», с целью склонения несовершеннолетних к совершению самоубийства путем уговоров и предложений, призывал двух девочек к совершению последовательных агрессивных действий, а именно: наносить порезы на различные части тела, проникать в места опасные для жизни: забираться на высотные здания, вел переписку в ночные и ранние утренние часы, что являлось дополнительной психотравмирующей нагрузкой для несовершеннолетних, давал обязательные

для выполнения задания о необходимости просмотра и прослушивания аудио и видеоматериалов, содержащих откровенные сцены насилия и осуществления людьми самоубийства различными способами, формирующие у потерпевшей депрессивную направленность сознания [50].

3.3 Вопросы совершенствования нормы об ответственности за доведение до самоубийства

Россия входит в десятку стран с самым высоким уровнем самоубийств и поэтому стала одной из первых стран, принявших стратегию Всемирной организации здоровья по предотвращению самоубийств. Однако, как показывают статистические данные, несмотря на угрожающий рост числа самоубийств в современной России, уголовные дела по преступлениям, предусмотренным статьей 110 УК РФ, практически отсутствуют. Такое положение объясняется как высокой латентностью доведения до самоубийства, так и юридически-техническим несовершенством нормы, содержащейся в статье 110 УК РФ, проблемностью и неоднозначностью определения криминального характера самоубийства и разграничения доведение до самоубийства от убийства, а также сложностью создания доказательной базы по данной категории дел.

Развитие технического прогресса, эволюция человечества и активное использование современным обществом информационно-телекоммуникационной социальной сети Интернет во всех сферах повседневной жизни повлекло за собой не только появление новых возможностей в общении, образовании и профессиональной деятельности людей, но и совершенствование способов противоправной деятельности и появление новых форм правонарушений с использованием социальных сетей, в частности такого деструктивного явления в Интернет-пространстве как кибербуллинга (киберзапугивания) и его крайней формы – кибербуллицеда, связанного с противоправным влиянием, оказываемым на

несовершеннолетних взрослыми подстрекателями и направленного на склонение к совершению самоубийства и распространению суицидальной идеологии и соответствующего контента. Общественная опасность этих явлений обусловили изменения в статью 110 УК РФ и криминализацию склонения и содействия совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ) и организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ), однако на количественных показателях привлечения к уголовной ответственности такие нововведения практически не сказались.

Следовательно, перечень уголовно наказуемых способов доведения до самоубийства или до покушения на самоубийство расширен, УК РФ дополнен такими способами как: склонение к самоубийству, а также иных действий, способствующих совершению самоубийства. Эти изменения заслуживают достаточно положительной оценки, поскольку направлены на противодействие суицидов, в частности подростковым, восполняют пробел в законодательстве, связанные с отсутствием уголовной ответственности за любое содействие лицу в совершении самоубийства или его попытки. Однако, тщательный анализ действующей редакции статьи 110 УК РФ, 100.1 УК РФ и сравнение их с нормами одноименных статей предыдущих уголовных кодексов позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования этих положений УК РФ в соответствии с современным состоянием развития общества.

Остановимся на наиболее существенных проблемных аспектах части первой статьи 110 УК РФ. В первую очередь уголовно-правовое регулирование – доведение до самоубийства – сталкивается с проблемой отсутствия общепринятого и закрепленного в УК РФ определения базовых понятий. Так, законодатель изначально не дает дефиниции «самоубийство», одного из конститутивных признаков преступления, предусмотренного диспозицией статьи 110 УК РФ. В литературе по уголовному праву существует множество определений этого понятия, однако отсутствие в

уголовном праве единого подхода к определению этого термина обуславливает трудности в применении рассматриваемой нормы. Нерешенными остаются проблемы определения «доведения до самоубийства» как ключевого понятия в содержании соответствующего состава преступления. Это понятие разъясняется через способы его совершения, указанных в части первой статьи 110 УК РФ, однако сущность собственно «доведения» законодатель не раскрывает, не передает его всей его сложности, не предусматривает всех возможных способов его совершения, что порождает разнообразное толкование этих признаков и образует пробел в праве.

Сложность правильного применения статьи 110 УК РФ объясняется, на наш взгляд, также использованием оценочных категорий, которые образуют объективную сторону рассматриваемого преступления, и могут, по сути, приобретать разного содержания (жестокое обращение, систематическое унижение человеческого достоинства), содержание которых лишь частично раскрывается в разъяснениях Пленума Верховного суда РФ. Понятие других способов доведения до самоубийства являются слишком размытыми и неконкретизированными, поэтому требуют обращения к научным источникам для и выяснения их содержания [3].

Так, одним из способов совершения рассматриваемого преступления является систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Поскольку достоинство является нравственно-этической категорией, которая присуща только человеку и не может иметь отношения к другим объектам окружающего мира (как живых, так и неживых), считаем использование слова «человеческого» ненужным и лишним, а потому вместо термина «систематическое унижение человеческого достоинства» следует закрепить «систематическое унижение достоинства». Такая позиция соответствует европейским подходам, так, например, в статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод указано «никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» [37]. Следовательно, понятие достоинство

используется без указания «человеческое», поэтому употребление оборота – «унижение достоинства» в статье 110 УК РФ будет достаточным.

Преступление, предусмотренное диспозицию части первой статьи 110 Уголовного кодекса Российской Федерации, признается оконченным с момента наступления одного из двух альтернативных последствий – лишение пострадавшим самого себя жизни или покушения на это. Несмотря на то, что законодатель употребляет термин покушение, речь здесь идет попытке самоубийства. Употребление термина «покушение на самоубийство» в отношении поведения потерпевшего представляется некорректным, поскольку покушение есть специальным уголовно-правовым понятием, закон использует его при определении этапов совершения умышленного преступления [66, с. 81].

В этой связи считаем, что, описывая результаты доведения до самоубийства, для последствий этого преступления более целесообразно использовать термин попытка, который общепринято применять в специальной медицинской литературе, поскольку именно «попытка» предполагает совершение определенных действий, направленных на лишение себя жизни.

Особого внимания заслуживает такой новый способ объективной стороны преступления, предусмотренный диспозицией части первой статьи 110.1 УК РФ, как склонение к совершению самоубийства и части 2 ст. 110.1 УК РФ как содействие совершению самоубийства. Установление ответственности за эти вариант преступной причастности к самоубийству, которые ранее были за пределами уголовно-правового регулирования, является позитивным шагом, исходя из высокой степени их общественной опасности. Законодатель дает определение таких понятий как «склонение» и «содействие» относительно понятия самоубийства, как перечень способов совершения этих действий.

Однако исследование лексического значения глаголов «склонять», «содействовать» и «доводить» свидетельствует о синонимичности этих

понятий [72, с. 151]. В то же время понятие «доведение» является более широким, поскольку охватывает как процесс, который состоит из определенного набора действий, в том числе склонение, подталкивание, принуждение к самоубийству, так и результат таких действий. Итак, «доведение» предусматривает оконченное действие, направленное на лишение потерпевшим лицом себя жизни, что позволяет квалифицировать деяние как доведение до самоубийства, независимо от последствий. Понятие «склонение» является более узким, оно охватывает только процесс формирования у пострадавшего намерения действовать с целью самоубийства, то есть это умышленное влияние на другого человека, направленное вызвать (возбудить) его решимость совершить самоубийство, а именно – убедить, уговорить, заставить и, в конечном итоге, побудить его к самоубийству. Вместе с тем, «содействие» – это участие в осуществлении самоубийства путем создания соответствующих условий для реализации намерения лишить себя жизни, оказание помощи в этом советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства.

По нашему мнению, более удачным способом совершенствования норм ответственности за формирование суицидального намерения, является ее предвидение в рамках действующей статьи 110 УК РФ, путем разграничения внутри категории «склонение», «содействие» и «доведение» с казуистическим изложением диспозиций соответствующих норм, в которых был бы указан максимально полный перечень преступных деяний, с установлением наказания за совершение каждого из них по принципу усиления его строгости, учитывая и квалифицированные виды этих деяний. В этой связи предлагаем усовершенствовать действующую редакцию статьи 110 УК РФ следующим образом.

Во-первых, переименовать статью. «Доведение до самоубийства» на «Принуждение к самоубийству», объединив все формы общественно-опасного поведения, которые провоцируют самоубийство под родовым термином «принуждение»

Во-вторых, статью 110 УК РФ изложить в восьми частях.

Частью первой предусмотреть простой состав преступления: склонение к совершению самоубийства путем уговоров, указаний, шантажа, предложений, подкупа, обмана или иным способом, с целью убедить в необходимости покончить с жизнью, при отсутствии признаков, указанных в части четвертой настоящей статьи.

Частью второй предусмотреть уголовную ответственность за простой состав: содействие совершению самоубийства советами, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий его совершению, а также подстрекательство к совершению самоубийства.

В части третьей предусмотреть квалифицированные виды склонения и содействия к совершению самоубийства. К квалифицирующим признакам следует отнести совершение деяний, предусмотренных частями первой и второй настоящей статьи, посягающие на социально уязвимые категории лиц – несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, в отношении двух или более лиц, а также группой лиц по предварительному сговору или организованной группой или преступной организацией; соединенное с публичным выступлением, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»); должностным лицом с использованием своего служебного положения; из корыстных побуждений; по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Предложения по отдельным из этих квалифицирующих признаков предлагались отечественными учеными [20, с. 26].

В части четвертой установить уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они привели к попытке самоубийства потерпевшего.

В части пятой установить уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, если они вызвали самоубийство потерпевшего.

В части шестой установить уголовную ответственность за доведение лица до попытки самоубийства путем угроз, жестокого с ним обращения, шантажа, систематического унижения его достоинства или систематического противоправного принуждения к действиям, которые противоречат его воли или есть нежелательными для потерпевшего.

В части седьмой установить уголовную ответственность за доведение лица до самоубийства путем угроз, жестокого с ним обращения, шантажа, систематического унижения его достоинства или систематического противоправного принуждения к действиям, которые противоречат его воли или есть нежелательными для потерпевшего, что привело к его смерти.

В части восьмой установить уголовную ответственность за доведение лица до самоубийства или до покушения на него при обстоятельствах, указанных в части третьей настоящей статьи.

Признать статью 110.1 УК РФ, утратившей силу.

Сделанные предложения позволяют с соблюдением формально-юридической логики по-новому сформулировать состав этого преступления, предусмотрев все формы проявления общественно опасного и виновного принуждения потерпевшего лица к самоубийству; последовательно повышая и учитывая общественную опасность перечисленных деяний, последствиями которых стало самоубийство или попытка его совершения, дифференцировать ответственность за их совершение.

Считаем целесообразным также дополнить статью 110 УК РФ примечанием, в котором предоставить понятийно-категориальный аппарат,

обслуживающий понятие «доведение до самоубийства» и разработать соответствующие дефиниции.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о правильности дополнения статьи 110 УК РФ частью девятой, в которой определить специальный вид освобождения от уголовной ответственности за это преступление по совокупности следующих условий:

- лицо совершило деяние, предусмотренное частью первой и второй настоящей статьи;
- лицо добровольно прекратило преступную деятельность и активно способствовало прекращению и раскрытию преступления;
- лицо до предъявления подозрения или обвинения в совершении преступления добровольно сообщило правоохранительный орган о преступлении;
- в результате принятых лицом и соответствующими органами мер была предотвращена опасность для жизни или здоровья человека;
- лицо возместило причиненный ущерб;
- в действиях лица нет состава другого преступления.

На наш взгляд, наличие возможности применения такой поощрительной нормы будет иметь практическую эффективность для защиты высшей социальной ценности – жизни человека.

Заключение

Итак, подводя итоги исследования, посвященного уголовной ответственности за доведение до самоубийства, можно сформулировать следующие выводы.

Рассмотрение научных взглядов на особенности доведения до самоубийства лица в разные исторические периоды позволило выделить следующие этапы исторического развития указанного законодательства в России: старославянский этап – самоубийства выполняют положительную социальную функцию; христианский этап – церковные и светские уголовные законы, которые появились на Руси, впервые упоминают доведение до самоубийства; имперский этап – законодатель закрепляет христианские традиции в оценке самоубийства. Самоубийство и покушение на него считались преступлением; советский этап – ст. 148 УК РСФСР 1922 года устанавливает уголовную ответственность за содействие или подговор к самоубийству, а в ст. 141 УК РСФСР 1926 года [77] впервые применен термин «доведение до самоубийства»; современный этап – в УК РФ установлена ответственность за доведение до самоубийства или покушения на самоубийство (ст. 110 УК РФ).

Самоубийство – это результат сознательных действий со стороны определенного лица, которое полностью осознает или ожидает летальный исход и является одной из основных проблем общественного здравоохранения (по определению Всемирной организации здравоохранения). По уголовному законодательству РФ только доведение до самоубийства из числа всех причин, приводящих к суициду, является уголовно наказуемым преступлением против личности (ст. 110 УК РФ).

Предложено следующее понятие доведения до самоубийства как побуждение преступником лица к совершению им суицидального акта, используя его психическое и физиологическое состояние с применением системы способов физического воздействия (физического насилия) и / или

психологического воздействия (психического насилия), определенного комплекса физического и психического насилия.

Значительная общественная опасность этого преступления характеризуется не только тем, что оно посягает на естественное неотъемлемое право человека – право на жизнь, но и исключительным цинизмом, коварством, жестокостью, безнравственностью и направленностью против гуманистических принципов во взаимоотношениях между людьми.

Исходя из конструкции и места статьи 110 УК РФ в системе уголовно-правовых норм, объективную сторону можно характеризовать как деяние, направленное на доведение потерпевшего до самоубийства или покушения на самоубийство.

Предложена концепция формальной конструкции состава преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ. В пользу этого свидетельствует, прежде всего, сама норма о доведении до самоубийства. Так, в статье 110 УК РФ речь идет о доведении до самоубийства или до покушения на самоубийство, но не о самом самоубийстве или о покушении на самоубийство. При доведении до самоубийства виновного нельзя обвинить в причинении смерти потерпевшему. Соответственно при доведении до самоубийства смерть потерпевшего не является непосредственно результатом действий виновного.

Совершение преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, возможно как путем действия, так и за бездействие, то есть способ совершения преступления может представлять собой форму проявления преступного действия или бездействия.

Способ совершения преступления в статье 110 УК РФ является обязательным признаком объективной стороны, которую дополнительно характеризуют действия, имеющие альтернативный характер: путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Применяются не любые возможные известные способы, а лишь прямо указанные законодателем в диспозиции статьи, под непосредственным

влиянием которых лицо самостоятельно причиняет себе смерть. Чтобы привлечь к уголовной ответственности за доведение до самоубийства достаточно одного из указанных в ст.110 УК РФ способов.

Субъект доведения до самоубийства общий – любое физическое лицо, способное нести уголовную ответственность за доведение до самоубийства и достигшее шестнадцатилетнего возраста.

Основной признак субъективной стороны состава доведения до самоубийства выступает вина. Мотив и цель доведения до самоубийства, при этом, не являясь содержанием вины, могут участвовать в формировании психического отношения лица к деянию и его последствиям, где будет проявляться виновная сущность.

Нам же наиболее убедительным представляется мнение о том, что субъективная сторона доведения до самоубийства или покушения на него – в принципе может характеризоваться косвенным или прямым умыслом, а также по неосторожности. Однако если признать, что доведение до самоубийства возможно и с неосторожной формой вины, то за преступление, которое совершается и с умыслом, и с неосторожности будет установлена одна и та же санкция. В указанной ситуации нарушается принцип дифференциации и справедливости. Для решения этой коллизии предлагается предусмотреть отдельно ответственность за доведение за самоубийство совершенное умышленно и отдельно – по неосторожности. При этом норму о доведении до самоубийства по неосторожности закрепить в Главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности».

Проведенный анализ позволил определить признаки, позволяющие четко разграничивать преступление, предусмотренное статьей 110 УК РФ со смежными уголовно-правовыми деяниями.

Преступления, предусмотренные ст. 110.1 УК РФ и ст. 110.2 УК РФ, являются новеллами уголовного законодательства и введены в Уголовный кодекс в 2017 году. Введение таких новелл в Уголовный Кодекс в 2017 году было необходимо ввиду популярности распространения суицидального

контента в интернете и большой опасности склоняющей к суициду информации для подростков и детей, также статистических данных по количеству самоубийств среди молодежи. Но несмотря на то, что введение данных норм позволило решить ряд проблем, связанных с недоработанным характером ст. 110 УК РФ, вместе с тем, «антисуицидальный пакет» законопроектов, а впоследствии введение новых статей в УК РФ, создали новые проблемы, не позволяющие достигнуть поставленной цели. Одной из основных проблем данных норм является их формулировка, то есть они изложены таким образом, что возможно их неоправданное применение, иными словами неопределённый характер данных норм может привести к злоупотреблениям на практике.

При проведении исследования выявлены возможности повышения эффективности статьи 110 УК РФ. Предложено изложить статью 110 УК РФ в новой редакции, что устранил проблемы технико-юридического конструирования уголовно-правовых норм об ответственности за данное преступление, будет способствовать более четкой дифференциации уголовной ответственности за различные формы принуждения к самоубийству и их квалифицированные и особо квалифицированные виды, поможет избежать коллизий и осложнений в судебной практике.

Надо, наконец, принять Постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам доведения до самоубийства, в которых подать разъяснения спорных вопросов в этом составе преступления.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Александрова Н.В. Профилактика суицидального поведения: учебное пособие. Омск : Издательство Омского государственного университета, 2020. 319 с.
2. Алтаев Р.С., Исмагулова А.Т. Проблемы регламентации уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Тамбовские правовые чтения имени Ф.Н. Плевако. 2017. 290 с.
3. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Северная Осетия-Алания от 13.12.2017 г. по делу № 22-485/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mhR8DIW7YcLP/> (дата обращения: 25.01.2021).
4. Аюпов В.Ш. Содержание субъективной стороны доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 2. С. 12-20.
5. Барсуков А.Г. Понятие чести, достоинства и деловой репутации // Интернаука. 2019. № 13. С. 18-26.
6. Батыщева Е.В. Уголовно-правовая характеристика истязания // Современная юриспруденция: Актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей III Международной научно-практической конференции. 2017. №4. С. 65-74.
7. Белоусов Н.В., Богданова Е.К., Скибина А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства // Современные тенденции развития науки и технологий. 2018. № 8-6. С. 15-21.
8. Блинников В.А., Морозов А.Ю. Доведение до самоубийства и иное содействие совершению самоубийства: новеллы законодательства // Российское правосудие. 2018. № 4 (144). С. 83-90.
9. Борисов С.П. Коллекторы довели заслуженного московского гинеколога до самоубийства. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/incident/2020/06/11/kollektory-doveli-zasluzhennogo->

moskovskogo-ginekologa-do-samoubiystva.html (дата обращения: 20.01.2021).

10. Бородин С.В. Преступление против жизни. М. : Юридический центр Пресс», 2013. 187 с.

11. Буряковская Е.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика доведения до самоубийства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2020. 140 с.

12. Быкова Е.Г., Яшков С.А. Квалификация отдельных преступлений против жизни: убийств и деяний, влекущих самоубийство. Екатеринбург: Альфа Принт, 2020. 351 с.

13. Бычкова А.М., Ворсина О.П. Посмертная комплексная судебно-психиатрическая экспертиза по делам о самоубийствах несовершеннолетних // Пролог: журнал о праве. 2020. № 4 (28). С. 45-51.

14. Васильева Д.А. Понятие беспомощного состояния в уголовном праве России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 1 (34). С. 165-171.

15. Велиев И.О. Об объективной стороне преступления. М. : Юркомпани, 2019. 246 с.

16. Военские артикулы Петра I. Устав морской: материалы по изучению истории государства и права России. М.: Хронограф, 1998. 320 с.

17. Воронин Ю.А. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2017. № 7 (266). С. 41-48.

18. Воронин Ю.А., Лалац В.В. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2018. № 7. С. 44-49.

19. Гавло В.К., Градусова М.М. Криминальный суицид в вопросах квалификации преступлений по ст. 205 и 205. 1 УК РФ // Известия АлтГУ. 2018. №2. С.25-30.

20. Гизатулина А.А., Тараданов А.А. Интегральная матрица

дифференциации самоубийств // Суицидология. 2018. № 4 (13). С. 50-60.

21. Гусак О.А. Уголовно-правовая характеристика доведение до самоубийства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Одесса, 2017. 60 с.

22. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.05.2021).

23. Дубовиченко С.В. Понятие умышленной вины и ее сущность // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2019. № 72. С. 50-61.

24. Дульянинова Е.И. История уголовной ответственности за доведения до самоубийства в России // Фундаментальные научные исследования: теоретические и практические аспекты. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. 2019. №4. С. 275-281.

25. Дюркгейм Э. Самоубийство (социологический этюд). М.: АСТ, 2019. 320 с.

26. Егорова Н.А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 10-18.

27. Елисеева Г.В. Ответственность за доведение до самоубийства // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции. 2019. № 5. С. 60-75.

28. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2014. 295 с.

29. Жирнов А.Д. Уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2018. № 4. С. 90-99.

30. Зенина М.Г. Особенности противодействия преступлениям, связанных с доведением до самоубийства несовершеннолетних с использованием современных информационно-коммуникационных технологий. Брянск: Брянский филиал ФГКУ ДПО «Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД», 2018. 195 с.

31. Ильин Н.Н. Доведение до самоубийства: история и современность //

Российский следователь. 2018. № 23. С. 34-41.

32. Капинус О.С. Убийства: мотивы и цели: монография. М. : ИМПЭ-ПАБЛИШ, 2018. 285 с.

33. Карамзин Н.М. История государства Российского: репринт. М. : Книга, 1988. 365 с.

34. Кассационное определение Верховного Суда РФ по делу № 1–006–39 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakonrf.info/suddoc/e9ebefc3dac208963a8fd1ce1aabf8db/> (дата обращения: 02.02.2021).

35. Ким П.И., Лаптев С. Социальные группы смерти // Гуманитарные и правовые проблемы современной России. 2017. №5. С. 135-142.

36. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Под ред. О.С. Капинус. М.: Проспект, 2019. 410 с.

37. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция по правам человека, г. Рим, 4.11.1950 г.) (ред. от 13.05.2004) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 01.05.2021).

38. Нечипоренко В.В. Суицидальное поведение: исторические, клинико-возрастные и психопрофилактические аспекты / В.В. Нечипоренко, В.М. Лыткин, Н.Н. Баурова. Санкт-Петербург : Лема, 2020. 347 с.

39. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

40. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года [Электронный ресурс]: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 25.05.2021).

41. О Порядке установления диагноза смерти мозга человека [Электронный ресурс]: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 25.12.2014 г. № 908н. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420247241> (дата обращения: 15.01.2021).

42. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 г. № 56. URL: <https://base.garant.ru/71284548/> (дата обращения: 14.01.2021).

43. Памятники русского права. Вып.1. Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. [Электронный ресурс]. URL: www.elar.urfu.ru (дата обращения: 29.12.2020).

44. Попов А.Н. Краткий анализ составов преступлений против жизни, сопряженных с самоубийством потерпевшего // Криминалистика. 2018. № 1 (22). С. 18-14.

45. Постановление Люберецкого городского суда (Московская область) от 25.01.2019 г. по делу № 1-44/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/SRMk8y3KvC18/> (дата обращения: 15.05.2021).

46. Преодоление и профилактика буллинга в школе / Сост. Е.М. Калинин, Н.Ю. Камракова. Вологда: ВИРО, 2018. 180 с.

47. Приговор Абинского районного суда Краснодарского края от 27.02.2012 г. по делу №1-29/12 [Электронный ресурс]. URL: <http://online-zakon.ru> (дата обращения: 16.01.2021).

48. Приговор Городищенского районного суда (Волгоградская область) от 01.12.2019 г. по делу № 1-166/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fGyhUHde4gx/> (дата обращения: 19.01.2021).

49. Приговор Забайкальского районного суда (Забайкальский край) от 13.05.2020 г. по делу № 1-75/2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/nnKQUJuHjTZZ/> (дата обращения: 01.02.2021).

50. Приговор Звериноголовского районного суда (Курганская область) от 10.01.2019 г. по делу № 1-3/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/1TI4EL3Mum16/> (дата обращения: 14.05.2021).

51. Приговор Кудымкарского городского суда (Пермский край) от 04.07.2018 г. по делу № 1-124/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/pLSt3hAas6JQ/> (дата обращения: 20.01.2021).

52. Приговор Кунцевского районного суда г. Москвы по делу от 19.10.2018 г. № 1-337/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/N4SOpFpsYAlM/> (дата обращения: 20.01.2021).

53. Приговор Новошешминского районного суда (Республика Татарстан) от 18.10.2018 г. по делу № 1-25/2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DFtZsuYFMeg1/> (дата обращения: 02.02.2021).

54. Приговор Первомайского районного суд г. Ижевска от 08.07.2019 г. по делу № 1-231/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Q451o0ZPKIsW/> (дата обращения: 23.01.2021).

55. Приговор Тобольского районного суда Тюменской области Дело № 1-51\2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://tobolsky--tum.sudrf.ru> (дата обращения: 17.05.2021).

56. Приговор Томского гарнизонного военного суда от 27.04.2019 по делу № 1-127/2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://tomskygvs.tms.sudrf.ru/> (дата обращения: 20.05.2021).

57. Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска от 25.06.2018 г. по делу № 1-724/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/iAHLINiZGu5V/> (дата обращения: 18.01.2021).

58. Приговор Усть-Удинского районного суда Иркутской области от 03.04.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://pfo.infocourt.ru/> (дата обращения: 25.01.2021).

59. Приговор Целинского районного суда Ростовской области от 05.07.2016 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://celinsky.ros.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.01.2021).

60. Приговор Шумерлинского районного суда (Чувашская Республика) от 21.08.2017 г. по делу № 1-63/2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/ctgKWVDZPtWW/> (дата обращения: 01.02.2021).

61. Приговор Элистинского городского суда (Республика Калмыкия) от 27.09.2019 г. по делу № 1-127/2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/PCJ0frDxvIIC/> (дата обращения: 26.01.2021).

62. Приговор Южно-Сахалинского городского суда от 04.06.2017 г. по делу № 1-1114/2016. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 24.01.2021).

63. Рогава И.Г., Мамедов Н.А. Буллинг, кибербуллинг и другие формы насилия в российских школах // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 15 (49). С. 105-114.

64. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / Под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1986. 640 с.

65. Рыжов Э.В. Уголовно-правовая характеристика доведения до самоубийства. М.: Юрлитинформ, 2020. 260 с.

66. Савельева И.В., Сердюкова Ю.С. К вопросу о совершенствовании законодательства об ответственности за доведения до самоубийства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 1 (92). С. 79-88.

67. Самоубийства в России, статистика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statdata.ru/samoubijstva-v-rossii> (дата обращения: 15.01.2021).

68. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 27.12.2020).

69. Смирнов А.М. Уголовно-правовая характеристика склонения к совершению самоубийства или содействия в совершении самоубийства // Аллея науки. 2018. № 7 (23). С. 512-520.

70. Соктоев З.Б. Причинность и объективная сторона преступления. М.: Норма, 2018. 247 с.

71. Справка по изучению судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.156 УК РФ мировыми судьями Озинского района Саратовской области. [Электронный ресурс]. URL: http://87.sar.msudrf.ru/modules.php?name=info_pages&id=501 (дата обращения: 28.12.2020).

72. Старжинская А.Н. Проблемы квалификации преступлений,

связанных с доведением до самоубийства, склонением к самоубийству и содействием в его совершении // Закон и право. 2019. № 2. С. 151-162.

73. Стрункина А.В. Способ доведения до самоубийства как обязательный признак квалификации преступления // Научный альманах. 2017. № 10-4 (12). С. 162-167.

74. Суд вынес приговор родителям, которые довели сына до самоубийства [Электронный ресурс]. URL: <http://sibkray.ru/news/8/33085/> (дата обращения: 01.02.2021).

75. Тыдыкова Н.В. Проблемы содержания термина «беспомощное состояние» в УК РФ // Юрислингвистика. 2019. № 13 (24). С. 9-14.

76. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 11.12.2020).

77. Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2950/ (дата обращения: 15.12.2020).

78. Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 148 с.

79. Хатуев В.Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 23-31.

80. Хатуев В.Б. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство. М. : Юрлитинформ, 2017. 194 с.

81. Хатуев В.Б. Эволюция российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Российское правосудие. 2017. № 9 (113). С. 73-79.

82. Черепанова М.И. Суицидальный риск: основные тенденции воспроизводства в современном российском обществе: монография / Под ред. С.Г. Максимовой. Барнаул : АлтГУ, 2019. 195 с.

83. Чернышова И.А., Петросян Т.А. Способы склонения к совершению самоубийства или содействию совершения самоубийства: порядок квалификации // Российское государство и право: история и современность. 2018. № 6. С. 121-130.

84. Чукаева Н.Г. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: проблемы законодательного регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Тюмень, 2017. С. 88.

85. Шаматульский И.А. Психическое расстройство и заболевание наркоманией как признаки тяжкого вреда здоровью по уголовному законодательству РФ и РБ // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 80-91.

86. Шантаж довел девушку до самоубийства [Электронный ресурс]. URL: <https://stavropolye.tv/news/29902> (дата обращения: 29.01.2021).

87. Шелехов И.Л. Суицидология: история и современные представления: учебное пособие. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2016. 405 с.

88. Энциклопедия уголовного права. Преступления против жизни и здоровья. СПб.: Издание профессора Малинина, 2018. 945 с.

89. Юридический словарь / А. Азрилиян, О. Азрилиян, Е. Калашникова, О. Квардаков. - М. : Институт новой экономики, 2009. 1054 с.

90. Ярмыш Н.Н. Проблемы отграничения убийства от некоторых смежных преступлений // Вестник Национального университета внутренних дел. 2017. № 29. С. 115-121.

91. Larremore W. Suicide and the Law // Harvard Law Review. 2019. № 1. P. 331–341.

92. Mikell W. Is Suicide Murder? // Columbia Law Review. 2018. № 3.

P. 379–394.

93. New Legal Dictionary / Edited by A. N. Azrilian. M.: Institute of New Economy, 2018. 112 p.

94. Wayne R., Austin W., Jr. Handbook on Criminal Law. Minn.: West, 1972.

95. William Y. First Death for Washington Assisted-Suicide Law // New York Times. 2019. № 5. P. 14-15.